

Людмила Ладожская

В ПЛЕНУ ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Людмила Ладожская

В плену любви I

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Людмила Ладожская

В плену любви I / Людмила Ладожская — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Летом 1942 года, во время оккупации между семнадцатилетней Таисией и офицером немецкой армии майором Райнером фон Нортембергом, сыном крупного промышленника вспыхнули чувства. Смогут ли они пронести свою любовь через хаос безумной войны, смогут ли выдержать презрение со стороны людей двух великих держав и на что решится немецкий офицер ради любви к русской красавице. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Часть I

Шел 1942 год. Второй год Великой Отечественной войны. Это было время, когда гитлеровский фашизм черными тучами стугнулся над Советским Союзом с целью порабощения народа этой Великой державы. Это было время, когда в сердцах многих людей царил хаос в неведении, чем закончится эта мировая схватка. Кто-то переступал через черту своей совести, теряя человеческий облик в сотрудничестве с гитлеровской Германией и ее союзниками. Кто-то сражался до последнего вздоха в надежде и уверенности в непобедимости советского народа. Это был год, очень тяжелый для всей страны. В городах, не захваченных немцами, все делалось для того, чтобы оказать максимальную помощь бойцам Красной Армии на фронте.

Так и в небольшом городке, Солнечном, какими была усыпана территория Советского Союза, все предприятия, согласно директивам советского командования, по возможности переоборудовали с осени 1941 года для производства боеприпасов и оружия. «Все для фронта! Все для победы!» Именно с этими мыслями трудились почти по 24 часа в сутки в основном подростки и женщины, оставшиеся в тылу.

Было уже семь часов вечера. «Шевелитесь, мать вашу! Не сегодня так завтра немец здесь будет! Или вы хотите, чтобы вашими бомбами ваших же отцов и братьев убивали?» – ревел Садовников, как бык.

Алексей Иванович уже много лет был директором завода, который в срочном порядке готовил к эвакуации. Этот невысокий, полноватый мужчина сорока пяти лет обладал громким голосом и организаторскими способностями настоящего руководителя. С тех пор, как пришла директива об эвакуации завода, Садовников практически не спал. Надо было все четко организовать по отправке готовой продукции на фронт, оборудование переправить в другой населенный пункт, уничтожить важную документацию, чтобы не попала в руки фашистов. В условиях войны, когда все это ложилось на плечи молодежи, женщин и стариков, в условиях, когда не хватало машин, эшелонов, когда железные дороги постоянно подвергались бомбежке, сбоев в расписании поездов, нарушения телефонной связи это было сделать не просто. Но Алексей Иванович был человеком дела. Он любил свою работу, он любил свой завод, он любил свой народ и партию, будучи коммунистом и патриотом своей родины. И даже в таких жестких условиях он делал свою работу, чтобы комар носа не подточил. Рабочие и служащие любили и уважали своего директора за справедливость, за подход к людям. Он мог войти в положение своих работников, но не давал им садиться на шею. А это надо уметь. Он рано стал вдовцом. Дальше личная жизнь его не сложилась, детей не было, и он полностью посвятил себя заводу и людям. «Да что ж вы как тараканы беременные! Еле ползаете! Ядрит вашу вошь, люди за вас жизнь на фронте отдают, а вы? Куда, куда прешь? Это в другую машину!» Люди на него обид не держали. Они, наоборот, из шкуры вон лезли, чтобы добросовестно выполнить свою работу, стараясь не подвести директора и бойцов фронта.

Наконец-то все, что могло представлять собой ценность для фашистов, было погружено. И уже поздно, ночью, когда от станции отошел последний эшелон с оборудованием, Алексей Иванович снял кепку, вытер ей пот, струившийся по лицу и шее, и, присев на какой-то сломанный ящик, облегченно вздохнул. Теперь надо было подумать о людях, но это завтра. Думать уже не было никаких сил. Он думал, как добраться до кровати и поменять свежую рубашку. По последним сведениям, фашисты должны были подойти к городу дня через три-четыре. «Завтра с утра займусь эвакуацией людей», – подумал про себя Садовников и, отпустив всех отдохнуть, медленно побрел домой, планируя завтрашний день.

Тася, Зина и Галка тоже поволокли ноги домой. А на завтра договорились встретиться около почты и пойти на речку. Завод эвакуировали. На работу идти не надо было. Поэтому

девушки решили провести время на речке, где до войны очень часто купались и загорали в жаркие летние дни.

Таисия проснулась около 10 утра. Солнце уже вовсю светило, девушка минут пять еще нежилась в его теплых лучах, потом резким прыжком вскочила с постели и, напевая мелодию, поспешила на кухню умываться. Бабушка хлопотала около плитки, готовя внучке завтрак.

– Тася, непоседа! Че не спишься-то? Выспалась бы хоть что ль сегодня-то. Никуда ведь не надо. Посмотри, синячищи-то под глазами какие! Худая вся стала! Кожа да кости! – проворчала Пелагея Семеновна, увидев внучку.

– Бабушка, ну не ругайся, – ласково проговорила Тася, подошла сзади и обняла свою любимую бабулю. Любимую и единственную. Семь лет назад, когда девочке исполнилось 10 лет, ее родители утонули. Совершенно нелепо, совершенно бессмысленно. Они очень любили друг друга, все свободное время проводили вместе. Вместе и погибли. «Это судьба!» – спустя уже много времени после их смерти, сказала бабушка. Поэтому уже семь лет она воспитывала Таисию одна и всячески старалась заменить ей мать и отца.

– Ладно, ладно, подлиза! Умывайся и садись за стол. Буду тебя кормить, а то, ей-богу, смотреть страшно! Худая, как кощей.

Про худобу, конечно, Пелагея Семеновна перегнула палку. Таисия была стройной девушкой, но никак не худой. У нее были стройные ноги, округлые бедра, узкая талия и небольшая красивая высокая грудь. Глядя на эту девушку, можно было подумать, что легкость и грация, с которой она себя несла, родились вместе с ней.

Таисия умылась, вернулась в комнату, натянула купальник. Выбрала в шкафу желтый в черный горошек сарафан на пуговицах, который очень шел к ее темным волосам и немного смуглой коже.

Все говорили, что Тася была похожа на отца. Это был красивый, с темной гривой волос, мужчина. Все думали, что в его жилах течет южная кровь. Но наверняка этого никто не знал. Он воспитывался в детском доме, о родителях его никто не имел представления. Он был подкидышем. В детском доме его называли Егором. Егор Зорькин (мальчика обнаружили на заре, так и дали фамилию) рос серьезным воспитанным мальчуганом, потом окончил училище, получил специальность механика и по распределению приехал в Солнечный, где и познакомился с Татьяной – Таисиной мамой. Он начал свою трудовую деятельность на автобазе, показал себя добросовестным исполнительным работником и вскоре получил должность главного механика. Татьяна работала на швейной фабрике. Они познакомились на танцах в клубе. И, наверное, с тех пор не расставались. На следующий день Егор сделал предложение, которое мама Таисии приняла не задумываясь. Сыграли свадьбу, и Егор по настоянию жены переехал из комнаты в общежитии к Татьяне, где она жила вместе со своей мамой Пелагеей Семеновной. Теща с зятем быстро нашли общий язык. Егор привел в порядок добротный дом, который пришел в запустение после смерти мужа Пелагеи. Через положенное время в семье родилась Таисия. Она унаследовала от отца черные вьющиеся густые волосы и красивый оттенок кожи, цвета загара. От матери ей достались огромные зеленые глаза, которые обрамляли длинные ресницы, небольшой нос, чуть-чуть вздернутый кверху, и в завершение розовые, немного припухлые губки. Когда малышка первый раз улыбнулась, на щечках заиграли ямочки, которые действовали магически на окружающих и по сей день.

Тася посмотрела на себя в зеркало, расчесала свои послушные волосы, которые очень легко укладывались, благодаря тому, что вились от рождения. И по-прежнему напевая какую-то веселую песенку, вернулась на кухню. Бабуля уже накрыла на стол. Давеча приятельница Нина из соседней деревни привезла ей яиц и шматок сала. В летнее время овощи всегда были на столе. Дом находился ближе к окраине города. Когда погибла дочка с зятем, Пелагея разработала небольшой кусочек земли, прилегающий к дому, где выращивала овощи, зелень. Поса-

дила пару кустов смородины и яблоньку, которая уже начала плодоносить. Все для любимой внучки. Первый раз за долгое время Тася спокойно, не спеша, принялась за горячую, ароматную яичницу.

– Ну, что, егоза? Что удумали так рано делать? Куда уже мчитесь? – спросила Семеновна, любясь на внучку.

– Бабулечка, хотим с девчонками на речке посидеть. Все-таки школу закончили. Каникулы как-никак! – шутила, подмигивая, Тася.

В этом году девушки отучились в последнем классе. Днем учились. После школы на завод в вечернюю смену. Когда уж совсем не успевали с планом, выходили работать в ночь. В школе, конечно, принимали это во внимание, но учителя старались все-таки оценивать учеников по знаниям. Поэтому, что и говорить, им хотелось просто отдохнуть, поваляться на песке, просто побыть в тишине, не слышать лязг железа и рев моторов станков.

– Тасенька, ты уж там не долго! Хорошо? Вечером подумаем, как быть.

– Бабуль, что ты имеешь в виду?

– Тревожно мне, Тась! Сейчас пойду на рынок, послушаю, что говорят. Многие думают уехать из города. Говорят, зверствует немец. Боятся быть под немцем. Может, в деревню к Нине поедем, пока все обойдется. Она приглашала. Все ж в деревне и мясо есть, и картошка. Да и в лес можно уйти в случае чего. За тебя мне страшно, внучка. Я свой век уж прожила.

– Хорошо, бабуль, вернусь и поговорим. Не переживай. А от судьбы не уйдешь. Сама говорила. Фашисты тоже ведь люди, не звери.

– Как знать, моя хорошая, как знать. Были б люди, так и сидели бы в своей Германии, не лезли бы с войной на чужую-то землю.

Пелагея Семеновна еще долго сама с собой говорила, но Тася уже ничего не слышала. Она стремглав мчалась к почте, где ее ждали подруги.

– Таська, вечно ты опаздываешь! – увидев подругу, прокричала Галочка. – Хоть бы во время войны была бы пунктуальнее! – не унималась подруга. – Мы уж думали, Пелагея Семеновна тебя не выпустит.

– Привет, девочки! Прямо не верится, что сегодня никуда не надо, – подбежала к девушкам Тася и попыталась закружить их в вальсе.

– Сумасшедшая! – кричала и отбивалась от подружки заспанная Зиночка.

– Зин, ты что, не выспалась? Не хватило времени? – спросила Тася подружку.

– Да, девочки, не до сна было. Вчера родители долго говорили и решили, что завтра мы уедем из города. Им сказали, что партийных немцы расстреливают сразу.

Отец Зины был партийным работником. Мать тоже. Это были активные участники коммунистического и комсомольского движения в городе. В жизни это были веселые, жизнерадостные люди. Кстати, полная противоположность их дочери. Зиночка всегда говорила очень тихо, не выражая никаких эмоций, отчего ее ответы у доски хоть и были правильными, но восхищения учителей не вызывали. Зина мечтала стать врачом, усердно изучала химию, биологию, отыскивала различную медицинскую литературу и с интересом изучала. «Врач должен уметь лечить, а не орать на сцене стихи», – всегда говорила Зиночка, если в очередной раз ее просили отвечать громче. Папу – Бориса Моисеевича – не взяли на фронт только потому, что у него была повреждена правая рука (лет семь назад он получил производственную травму на заводе). Когда год назад призывались мужчины в Красную Армию, его оставили в запасе. Остаться в городе для него и семьи было действительно опасно. Он переживал не столько за себя, сколько за детей: семнадцатилетнюю Зиночку, четырнадцатилетнего Сашку – и конечно, свою жену.

– Мои тоже родители твердят, что надо уезжать из города. А куда, ума не приложат. Мамин брат в Ленинграде. Но никаких вестей от него почти год не было. Что с ним, неизвестно, – рассказывала Галина свои семейные новости.

– Неужели эта проклятая война нас разлучит, мои милые подружки? – расстроилась Тася.

– Как сказал отец, у нас два варианта: уходить в лес или эвакуироваться в тыл. Сегодня они будут решать вопрос по эвакуации с Садовниковым. Машин в распоряжении города почти нет. И вопрос об эшелоне для эвакуации людей тоже открыт. Знаете, девочки, я вчера слушала разговоры родителей, и стало мне уж как-то очень жутко. Какое-то предчувствие не хорошее.

– Зин, ты прямо как моя бабушка. Предчувствие, предчувствие. Мы же мирные жители, угрозы для них не представляем, – разозлилась Тася. За разговорами девчонки дошли до речки. – Все, мои хорошие, давайте не будем думать ни о чем плохом. Посмотрите, какая красота вокруг.

– Мы-то, может, и нет, а вот коммунисты – да, – тихо, почти шепотом сказала Зина, расстилая старенькое выцветшее покрывало.

Девушки расположились на берегу реки. С годами именно на этом месте уже образовался небольшой пляж. Так распорядилась, верно, природа: по берегам речки росла трава да кусты. Но не забыла про горожан. Оставила им песчаный берег с небольшим заливчиком, где вода быстро нагревалась, и в мирное время здесь летом всегда звучал плеск воды и смех ребятни.

– Ой, девчонки! Вот закончится скоро война, поступлю в техникум и стану самым известным модельером в Советском Союзе! Создам лучшие коллекции! У меня будут одеваться знаменитые певцы и артисты нашей страны! – прошептала Таисия, подняв руки к июньскому утреннему солнышку, и, заливаясь звонким смехом, закружилась по песчаному берегу, плюхнулась рядом со своей школьной подругой Галкой.

– Ой и выдумщица ты, Тася! – деловито сказала Галина. Девушка лежала на прогретом песке и, пожевывая травинку, жмурилась в лучах солнца. – Модельер, артисты... Говорят, прет немец на Москву! Не остановишь! И будет ли скоро конец войне, тоже вилами по воде писано.

– Вот-вот, девочки, не зря же так срочно дали установку об эвакуации завода, – тихо, абсолютно без всяких эмоций, произнесла Зиночка. – Так что, Тасенька, о техникуме только мечтать.

Зина Горячева была невысокого роста, худенькой, но грудь большого размера всегда заставляла ее комплексовать перед одноклассниками, особенно во время летнего сезона. И когда Зина причитала по поводу большой груди, Тася всегда ее успокаивала тем, что ее детишки всегда будут при молоке. А Зина еще больше злилась, но не обижалась на подругу. Неординарной внешностью она не отличалась. Правильные черты лица. Большие глаза, но очень редкие и светлые, почти незаметные ресницы. Русые волосы всегда были заплетены в две косички, переплетаясь между собой в корзиночку. Она всегда одевалась неброско, чтобы меньше привлекать внимания к своей груди, к которой все-таки интерес противоположного пола имелся.

– Девчонки! Может, запишемся на фронт? – сказала она, глядя в ясное, голубое и совсем не военное небо. – Я бы санитаркой легко могла работать. Хоть пользу бы принесла нашим защитникам.

– Не сомневаюсь, Зин. Ты бы и операцию по справочнику сделала и глазом не моргнула, – пошутила Галка, зная, насколько серьезно подруга изучает медицину и готовится стать врачом.

– Думаю, что не очень сложную смогла бы, – сказала Зина, медленно приподнимаясь на локти, и очень серьезно посмотрела на подруг.

– Галка, Зин, хорош о грустном. Пойдем попробуем водичку. Июнь на дворе. А мы не купались еще.

Девчонки с хохотом бросились в воду. Они словно маленькие дети брызгали друг друга водой и дурачились, пока без сил не вышли из воды и не упали на песок. Первой пришла в себя Галка. Она так увлеклась, что забыла про свое достояние. Галкиной гордостью была ее коса, ниже пояса, цвета шоколада. Несмотря на то, что волосы были мягкими, они были очень густыми. Такой косы не было ни у кого во всей школе. Галина Петрова была чуть ниже Таси. Это была очень худенькая девушка, со спортивной фигурой и узкими бедрами. Выразительные серые глаза говорили о многом. У Гали была способность к языкам. Немецкий язык очень легко давался девушке, и нередко она помогала готовиться к урокам своим подругам. К тому же у девушки был математический склад ума. Это ей передалось от родителей. Оба – и мать, и отец – преподавали математику в школе. Отец – Семен Петрович – преподавал очень давно, и настолько он был занят работой и учениками, что до 40 лет так и не женился. А когда к ним в школу после института пришла новая учительница Вера Михайловна, или, как он звал ее нежно, Верочка, он понял, что пропал. Вера была тоненькой, хрупкой, можно сказать хрустальной, девушкой, что, вероятно, и передалось ее дочери. Семен Петрович полгода ухаживал за Верой. Она видела, насколько бережно он относится к ней, и за это время влюбилась в учителя. И можно сказать, сама предложила пожениться. Семен Петрович был несказанно рад и через год появился Галчонок – плод их любви. В 1941 году он, как и многие, пытался записаться на фронт, но ввиду возраста ему отказали. И они вместе с женой продолжали преподавать в этот тяжелый для страны год.

Судя по солнцу, время было около пяти часов вечера. Девушки проголодались и неохотно засобирались домой.

Немцы заявили о себе громко. Первыми ворвались в город мотоциклисты, потом грузовики, набитые немецкими солдатами, и следом въехали на легковых машинах немецкие офицеры.

Услышав нарастающий рев моторов автомашин, девушки понеслись в сторону города. Чем ближе они подбегали, тем громче нарастал шум машин, тем сильнее стучало сердце и тревожнее становилось на душе. Они быстро пересекли подлесок, который отделял дорогу от речки, и, спрятавшись в кустах, с замиранием сердца наблюдали за колонной техники, которая двигалась в центр города. Пока эта процессия ехала, девчонки с ужасом в глазах, молча наблюдали. Когда же все стихло, они как по команде сели и еще несколько минут молча смотрели друг на друга, боясь нарушить тишину. Первой очнулась Галя.

– Господи, куда ж их так много? – она схватилась за голову и медленно, сдавливая виски, опускала руки, в надежде получить ответ на свой вопрос.

– Девочки, успокойтесь. Сейчас еще посидим немного и дворами будем пробираться домой. Все обойдется, – дрожащим голосом успокаивала подруг Тася. – Зина, Зиночка, ты что? Успокойся. Вот увидишь, наши скоро придут и очистят город от немцев.

Тася легонько потрепала Зину по щекам, так как одноклассница онемела от одного вида колонны и сидела как вкопанная, уставившись в одну точку.

– Папа, мама, Сашка, – тихонько произнесла Зина и закрыла лицо руками. Девушки подвинулись к ней, обняли и начали успокаивать ее. В таком состоянии Зину нельзя было отпускать одну домой.

Полчаса девчонки еще сидели и приводили в чувство Зину. Когда подруга более-менее пришла в себя, девушки решили пробраться к домам и условились при малейшей возможности встретиться вечером или завтра утром у Таисии.

Они выбежали из кустов, пересекли дорогу. Еще немного пробежали вместе по направлению к почте, потом молча посмотрели друг на друга, кивнули и разбежались каждая в свою сторону.

Казалось, что город вымер. Тася мчалась к дому, что было сил. Когда в поле зрения появился ее дом, ей показалось, что она проделала путь от почты до дома на одном дыхании. Ей оставалось совсем немного, пройти пару домов, перейти дорогу и оказаться под защитой своей дорогой бабушки. «Бедная, она, наверное, уже вся переволновалась. Дернул же черт нас пойти на эту речку. Вот же дуры бестолковые. Война идет, а нам, видите ли, отдохнуть захотелось», – ругалась про себя Тася. Вдруг она услышала мотор мотоцикла, но спрятаться было некуда, а перепрыгнуть забор соседнего дома она не рискнула. Только сейчас она пожалела, что нарядилась в этот яркий желтый сарафан, который был как бельмо на глазу. Тася взяла себя в руки и, пытаясь быть спокойной, перешла дорогу и пошла к своему дому.

Мотоциклисты заметили девушку, остановились, стали что-то громко говорить и смеяться. Потом они подъехали к колонке, которая находилась недалеко, достали фляжки, стали наливать воду и наблюдать за девушкой.

Тася нырнула в калитку и, словно горная лань, перепрыгивая несколько ступенек, влетела в дом и бросилась в объятия своей обеспокоенной бабушки. Пелагея Семеновна не отходила от окна, ждала внучку, когда соседский паренек прибежал и сообщил, что в город пришли немцы. Она видела в окно, как мотоциклисты остановились. А когда увидела, как Тася промелькнула перед домом, очень занервничала.

– Ну, все, все, хватит, моя девочка. Все, ты дома, со мной. Пока я жива, ничего не бойся. Сейчас чайку попьем с мятой, успокойся, моя хорошая, – убаюкивающим голосом говорила Пелагея Семеновна прильнувшей к ней внучке.

Она усадила Тасю за стол, поставила чашки и пошла к печке за чайником. Но шум распахнутой резко двери заставил эту полную женщину в два прыжка вернуться к столу. Она встала сзади Тази, обняла за шею. Девушка закусил губу и судорожно вцепилась в руку бабушки.

Немец был очень высоким, с редкими рыжими волосами и такой же недельной щетиной. Он улыбался, показывая свои желтые зубы. Так они молча смотрели друг на друга минуту, но для Тази это была вечность. Она нутром чувствовала опасность.

Немец стал осматриваться по сторонам. Комната, в которой они находились, была просторной. Она служила и кухней, и столовой. Прямо напротив входной двери имела печь, рядом с которой стояли самодельные шкафы для продуктов и умывальник. В центре стоял большой стол, где в праздники, когда еще была жива дочка с зятем, собирались гости. В стороне стояла кровать, на которой спала Пелагея Семеновна.

Взгляд немца остановился на проеме в другую комнату, Тасину. Пока семья была в полном составе, там спали Егор с Танечкой. После их смерти комната стала Тасиной. А небольшую комнатку, квадратов семь, бабушка с внучкой переделали под своего рода мастерскую. Крестная Тази, которую жизнь закинула в Новгород, подарила на день рождения крестнице швейную машинку, о которой та так давно мечтала. И с тех пор там был просто склад. И материал, и выкройки. Очень уж Таисия любила шить, связывая свое будущее именно с этим.

Немец встал, подошел к проему, заглянул в Тасину комнату, еще больше заулыбался и двинулся к женщинам. Обе напряглись. Фриц приставил дуло автомата к подбородку Таисии. Девушка, бледная как полотно, встала. Он схватил ее за руку и отшвырнул в сторону комнаты. Одной рукой немец держал автомат, другой расстегивал пуговицы на кителе. Лицо его исказила злая гримаса. Все происходило какие-то считанные секунды. Пелагея Семеновна как тигрица вцепилась в руку немца и просила отпустить девочку. Немец откидывал старуху, но она не прекращала своих попыток освободить внучку. Ему надоела эта неутомимая бабка, и он ударил ее прикладом. Женщина упала. Тася в ужасе закричала и бросилась к бабушке, но немец схватил ее на руки и бросил на бабушкину кровать. Она очень больно ударила головой, но страх перед этим здоровым, рыжим фашистом заставил ее взять себя в руки. Девушка ринулась к двери, но немец поймал ее за руку и с силой опять бросил на кровать. Он откинул в сторону автомат и с остервенением бросился на девушку. Она сопротивлялась что было сил,

царапалась, кусалась. Фрица эта борьба, по-видимому, уже взбесила, и он с силой рванул на ней сарафан. Обнаженная красивая грудь девушки усыпила бдительность насильника, и он не заметил, как оклемавшаяся Пелагея Семеновна подкралась к нему сзади и ударила кочергой по спине.

Освирепевший немец обернулся и бросился в сторону пожилой женщины.

– Тася, беги, внученька! Беги к соседям! – кричала бабушка.

Девушка вскочила и, инстинктивно прикрывая грудь, выбежала из дома. Увидев, как убегает жертва, фашист схватил автомат и бросился за ней. Пелагея Семеновна, собрав силы, схватила кочергу и побежала за ними. Немец в два счета настиг Тасю, но старуха ему все-таки предельно мешала. Он повернулся и выстрелил в нее.

– Беги, родненькая! – слабым голосом крикнула Пелагея Семеновна, остановилась, вскинула руки вверх и упала навзничь.

Тася от случившегося даже не могла кричать. Она встала как вкопанная и с ужасом смотрела на неподвижную бабушку. Немец ругнулся, пнул ногой тело убитой и, схватив девушку за волосы, потащил в дом.

Потом было все как в замедленном кино. Когда он тащил ее по ступенькам, раздался выстрел, и немец, перелетев через нее, рухнул с крыльца. Потом она видела перед собой какие-то лица, почувствовала, как ее куда-то несут. Но ей уже было абсолютно все равно, куда ее несут, что с ней будет, ведь она потеряла самого близкого человека. А после девушке вдруг стало тепло, и она провалилась в сон.

Когда Тася выбежала из дома, ее испуганный вид и разорванный яркий сарафан привлек внимание немецкого офицера, проезжавшего мимо их с бабушкой дома. Разгадав гнусные намерения немецкого солдата, он велел остановить машину, вбежал во двор и выстрелил в него, когда тот тащил девушку в дом. Вблизи она была еще красивее. Офицер взял ее на руки, отнес в дом и положил на кровать, укутав одеялом. Потом велел своему водителю принести аптечку, сделал укол со снотворным, так как девушка от перенесенного шока начала бредить, метаться и звать кого-то, скорей всего ту самую убитую женщину.

Райнер отправил своего водителя на улицу, взял табуретку, поставил к кровати и смотрел на спящую девушку, думая, как поступить дальше. Она была очень красива. Он это заметил еще, когда первый раз увидел ее выбегающей из дома. Оставить ее здесь одну – это был не вариант. Но встретиться с господином оберстом Альтманом Кенингом ему все же было необходимо.

По данным немецкой разведки, городок Солнечный не представлял собой угрозы для гитлеровцев, поэтому они вошли в город без предварительной бомбежки. Город был очень удобным снабженческим и транспортным центром для гитлеровской армии. Большое количество деревень вокруг могли обеспечить продовольствием немецких солдат. Многочисленные силы гитлеровцы стягивали к Сталинграду, и готовилось наступление на Кавказ, а их надо было обеспечить всем, чтобы Германия одержала победу.

Райнер продолжал любоваться этим спящим созданием и понимал, что не для того он ее спас, чтобы вот просто встать, уйти и бросить на растерзание солдатам.

29-летний Райнер фон Нортемберг – единственный сын немецкого промышленника. Начал свою военную карьеру в 1929 году с поступления в Рейхсвер. В начале войны в звании капитана он выполнял поручения высшего командования. Затем стал командиром роты пехотной дивизии. Участвуя в боевых действиях, получил тяжелое ранение. Был отправлен в Германию на лечение. Несколько месяцев провел дома. Потом вновь присоединился к гитлеровской армии. Но назначение он получил не на передовую. Его задачей было наводить порядок на оккупированных территориях, снабжать продовольствием немецких солдат и бороться с подпольщиками и партизанами.

– Эрих! – крикнул Райнер водителя.

– Да, господин майор.

– Эрих, я сейчас поеду в центр. А вы останетесь здесь и присмотрите за девушкой. Постараюсь недолго. Если у кого-то возникнут вопросы, то скажите, что я занял этот дом. Да, и принесите сюда мои вещи.

– Господин Нортемберг, но как же вы за рулем?

– Ефрейтор Майер, выполняйте приказ.

Ранение, которое Райнер получил в боевых действиях, было тяжелым, и вовремя не произведенная операция повлекла за собой проблемы, связанные с правой рукой. Кисть как будто парализовало. Именно по этой причине его не взяли на передовую. Но молодой человек довольно-таки быстро научился действовать левой рукой, даже стрелять.

Время было уже около девяти вечера. Нортемберг дал указания своему подчиненному, еще раз оглянулся на спящую девушку, схватил фуражку и выбежал из дома. Он ловко вскочил за руль автомобиля и исчез, оставляя за собой клубы пыли.

Улицы города оживились. Везде слышалась немецкая речь. Немцы гуляли как по Бродвею, чувствуя себя хозяевами жизни. Лишь изредка кто-то из жителей, которых оккупанты, на ночь глядя, выгоняли из квартир, освобождая для немецкого командования, перебежали по улицам в поисках ночлега у знакомых и родственников. Где-то слышались отдельные выстрелы. Комендатуру Райнер отыскал почти сразу по немецкому флагу, который уже успели водрузить на крыше. Ее устроили в райкоме партии города. Это было трехэтажное здание. Первый этаж и подвал заняли гестапо и зондеркоманда. Эти ребята занимались политическими. Они проводили масштабные мероприятия по выявлению и учету партийного и комсомольского актива. На втором и третьем этаже разместились немецкое командование.

В здании царил беспорядок. Когда местным властям сообщили о подходе немцев, они уничтожали все документы, связанные с партийной работой, коммунистами. Такая же установка была дана по школам и организациям, где немцы могли выявить сведения о комсомольской организации и действующих активных комсомольцах, так как понимали, что не все жители уйдут из города. А оказалось, все намного хуже. Из города практически никто не успел выехать, так как рассчитывали на эвакуацию всего города. Немцы пришли немного раньше, и люди тихо сидели в своих домах в ожидании следующего дня. А другого выхода у них и не было. Немцы окружили город. Кто пытался покинуть территорию города, немцы расстреливали. Поэтому желающих было немного.

Райнер быстро отыскал Альтмана Кенинга. Oberst уже облюбовал себе кабинет председателя райисполкома и, насвистывая, поправлял портрет фюрера, который солдаты повесили прямо напротив входной двери.

– О, Райнер, что у вас там случилось? Устранили поломку? – спросил, улыбаясь, Альтман.

Райнер отстал от колонны, так как машина ни с того ни с сего заглохла, но Эрих Майер, его водитель, специалист-самоучка, немного повозившись, привел автомобиль в исправность.

– Да, господин оберст. Все хорошо. Автомобиль в порядке. Мой водитель просто волшебник.

– Итак, Райнер, вы уже определились с квартирой? Тут неподалеку есть неплохой двухэтажный дом. Мы с офицерами решили обосноваться в нем. Там довольно-таки прилично. Из этого городишки нам надо выжать все. Все для скорейшей победы Третьего рейха.

– Благодарю, господин оберст. Но я уже определился с жильем. Здесь, неподалеку в небольшом домике, я уже оставил свои вещи. С детства не любил каменные дома.

– Жаль, жаль. Но надеюсь вас увидеть сегодня и выпить чашечку кофе, – весело подмигнул Кенинг, давая понять, что кофе – это не что иное, как шнапс.

– Я бы с удовольствием, но дорога дала о себе знать. Рука ноет. И все, на что я способен сейчас, – это сделать укол и лечь спать.

– Хорошо, дорогой Райнер, идите отдыхать. Город оцеплен. Завтра с утра в комендантуру доставят главу города и всех, кто занимал высокие должности. Также будем набирать из местного населения полицаев. Составить списки людей, проживающих до сорок первого года. Будем наводить здесь порядок, друг мой. Судя по беспорядку в здании, русские нас ждали. Но им придется ответить лично мне, что они так добросовестно хотели скрыть от самого фюрера, – сказал Альтман, громко шелкнул пятками сапог и отдал честь портрету Гитлера.

– Хайль Гитлер! – поддержал его Райнер. – Господин Кенинг, в таком случае я вас покидаю. Встретимся утром.

И с этими словами Райнер повернулся, вышел за дверь и быстрой походкой направился к машине.

Он быстро преодолел расстояние до своего нового дома и, увидев немецкий патруль, шествующий по улице, буквально ворвался в дом. Но, улицезрев девушку в том положении, в котором он ее оставил, он присел на стул возле ее кровати и смотрел на нее, пока Эрих не кашлянул за его спиной. Он никак не мог взять в толк, чего это его господин офицер носит с этой девчонкой. Она, конечно, была красивой девушкой, но убивать своего же соотечественника... Хотя в глубине души он проникся еще большим уважением к майору.

– Все в порядке, Эрих?

– Да, господин Нортенберг!

– Завтра утром встанете пораньше и похороните тело той старой женщины за городом. Запомните где. Я думаю, девушка захочет это узнать. Теперь идите спать. Я тоже скоро лягу.

– Хорошо, господин майор, – сказал Эрих и пошел к входной двери.

– Вы куда? Идите туда! – крикнул Райнер и показал в сторону Тасиной мастерской.

– Господин майор, пока вас не было, я обнаружил лестницу на чердак. Там довольно-таки чисто и есть старые матрасы. Позвольте мне спать там?

– Идите. Я завтра сам посмотрю, что там за чердак, – уставшим голосом произнес офицер, снимая китель.

Оставшись один, Райнер обошел дом и, не увидев мужских вещей, понял, что в доме живут только женщины, и скорей всего теперь только одна. Он опять подошел к кровати, на которой безмятежным сном спала девушка, и присел на стул. Теперь в тишине и в одиночестве он мог спокойно рассмотреть Тасю, и сердце его учащенно забилось при виде красивой девушки. Он убрал прядь волос с ее высокого лба, невольно провел рукой по щеке и вздрогнул от мысли, что если бы он проехал на несколько минут раньше или позже, то наверняка ее бы уже не было в живых. Наверяд ли она вынесла бы насилие со стороны такого здорового солдата.

Проснулся Райнер от того, что очень затекла спина. Он всю ночь проспал сидя на стуле, оперевшись о спинку кровати. Ровное дыхание девушки свидетельствовало о спокойном сне. Мужчина встал, потянулся и направился в сторону печки. Он очень хотел есть. Со вчерашнего утра у него не было маковой росинки во рту. Райнер растопил печку. Там же он обнаружил чугунок с вареной картошкой. Нашел сковороду. Разложил паек и занялся приготовлением еды.

Тася проснулась от приятного запаха. Открыла глаза и увидела, что спит на бабушкиной кровати, какой-то мужчина суетится вокруг стола. Райнер так увлекся приготовлением завтрака, что не заметил, как проснулась Тася. Взгляд ее упал на немецкую фуражку, и она моментально вспомнила предшествующие события. Она вспомнила, как на нее напал немец, как бабушка пыталась ее защитить, как раздался выстрел, как упала Пелагея Семеновна. Потом темнота. Но немец, который так старательно что-то готовил, был не тот, что вломился к ним в дом.

Со спины это был высокий мужчина. Широкие плечи, светлые волосы и то, как он искусно, можно сказать с любовью, орудовал ножом, не вызывали у Таси какого-либо страха. Незнакомец выпрямился и направился к умывальнику. Воды там не оказалось. Он взял ведро

и направился к выходу. Тася закрыла глаза. Когда мужчина вышел, она встала с кровати, но тут же легла обратно. Сарафан спереди был полностью разорван. «Боже, какой стыд. Как бы поменять одежду?» – подумала про себя Тася. Возле дверей послышались шаги, и девушка притворилась вновь спящей.

Войдя в дом, Райнер посмотрел на девушку, и, судя по ее положению и подрагивающим ресницам, он понял, что она проснулась, но, скорей всего, боялась вставать. Он налил воды в умывальник, вымыл руки и подошел к девушке. Ему надо было внести ясность и объяснить свое присутствие в этом доме.

– Фройлен, я знаю, что вы не спите, – начал он тихим голосом, чтобы не испугать девушку.

Тася была не сильна в немецком, но поняла, что немец догадался, что она не спит, и предложил ей поговорить.

– Вам надо переодеться, – продолжал Райнер. – И поесть. Я тут немного похозяйничал. Я сейчас выйду во двор, а вы переоденьтесь. Потом позавтракаем. Я вам не причиню вреда. Поверьте.

Мужчина вышел из дома. Тася поняла, что он дал ей возможность переодеться. Она вскочила и побежала в свою комнату. Достала самое неприглядное старенькое платье, умылась и подошла к окну. Немец разгуливал по двору. Он был в белой рубашке, брюках на подтяжках и высоких сапогах. Тася обернулась и увидела, что его пистолет лежит на стуле рядом с кителем.

Первым ее желанием было взять его и выстрелить, как только фашист переступит порог дома. Но она никогда не стреляла и боялась, что не сумеет. Немец, по-видимому, решил, что девушке хватило времени переодеться, и направился к дому. Тася побежала к кровати, и когда Райнер вошел в дом, она сидела на заправленной кровати в ожидании его дальнейших действий.

Немец вошел в дом и рукой пригласил девушку к столу. Отодвинул стул и, улыбаясь, предложил сесть. Тася, опустив глаза, робко подошла к столу, приняв его приглашение. Офицер поставил посередине стола сковороду с жареной картошкой с тушенкой, поставил тарелки и сел рядом. Он молча, поухаживал за девушкой. Положил ей еды и себе. Он начал есть. Тася сидела с опущенными глазами, не притрагиваясь к еде. Райнер понимал ее состояние и боялся каким-нибудь лишним движением ее испугать.

– Как вас зовут? – спросил он девушку.

– Таисия.

– Меня зовут Райнер. Не бойтесь меня. Я вам не причиню вреда, – немец попытался взять девушку за руку.

Тася отдернула руку и наконец-таки подняла глаза на своего собеседника. На нее смотрели голубые-голубые глаза. В них она прочитала сочувствие и переживание. Немец был очень приятным молодым мужчиной. Таисия предположила, что ему не больше 30 лет. Правильные черты лица и добродушный взгляд очень располагали к себе.

– Бабушка. Что с моей бабушкой? – тихо выдавила Таисия, не отводя от него глаз.

Райнер догадался, что она спрашивает про убитую женщину, и опустил глаза.

– Что с моей бабушкой? – повторила Тася уже на немецком языке.

– Она умерла. Мой водитель ее похоронил. Вам покажут, где это. Мне очень жаль. А где ваши родители?

– Их нет, – понимая, о чем речь, ответила девушка.

С улицы послышался шум машины. Райнер подошел к окну. Это вернулся Эрих. Он вбежал по ступенькам и осторожно постучал в дверь.

– Эрих, заходите.

В дом вошел молодой человек, лет так двадцати. Высокого роста, худощавый, можно сказать, с девичьими чертами лица. Тасе показалось даже, что она где-то видела его раньше.

Вид у него был такой безобидный и добродушный, что если бы не немецкая форма, то он вполне мог сойти за студента 3-го курса филологического института. Он отчитался офицеру о каком-то задании, и Райнер пригласил его за стол.

– Таисия, это Эрих – мой водитель. Он похоронил вашу бабушку и сегодня же покажет, где это. А сейчас надо поесть, иначе я никуда вас не отпущу.

– Пожалуйста, я не хочу есть. Я хочу умереть, – выдавила девушка с полными глазами слез.

Она встала и ушла к себе в комнату. Райнер налил воды и пошел следом за ней.

– Таисия, я понимаю, как вам больно. Но ваша бабушка умерла лишь потому, что хотела спасти вас. Это война. Эрих вас проводит, и если вы не против, то он сегодня за вами присмотрит. И еще, Таисия. Вы не будете против того, что я и мой водитель останемся жить в вашем доме?

– Делайте что хотите. Как же я вас всех ненавижу, – сказала девушка, глядя в окно.

Райнер не стал ее больше донимать разговорами. Он убедился, что она вполне адекватна. Дал поручения своему водителю в отношении Таси, накинул китель, надел фуражку, схватил портфель и вышел из дома. Уже было около девяти утра и надо было быть в комендатуре, чтобы, как сказал Альтман, «наводить порядок в этом городишке».

Подъезжая к центру, Райнер заметил, что город заметно оживился. Немцы упорно развешивали листовки о пропаганде работ в Великой Германии для молодежи. Ходили патрули. Местные жители тоже уже появились на улицах города. Периодически, по местному радио немцы объявляли о том, чтобы жители города собрались на площади в 12.00. Что это все для их блага. Что за неповиновение немецкому командованию грозит расстрел. Жизнь как будто бы пришла в свое русло. Только по улицам шныряли люди в форме, и везде была слышна немецкая речь.

Когда Райнер подъехал к комендатуре, машина Кенинга уже стояла. Он вошел в здание. По сравнению со вчерашним вечером, там царил порядок. И даже на некоторых кабинетах старые вывески были заменены новыми. За ночь солдаты конечно, постарались. Молодой офицер вошел в кабинет оберста.

Кенинг был слегка помят, и весь его вид говорил, что кофе вчера был очень крепкий. Кенингу было около сорока семи лет. Физической подготовке его можно было позавидовать. Это был подтянутый, рано полысевший мужчина с крючковатым носом. Он был похож на эдакого лысого орла, особенно когда злился. Вот и сейчас он сидел в кресле под портретом Гитлера и, насупившись, о чем-то раздумывал.

– Нортемберг, доброе утро. Долго спите. Хотя, если оно у вас доброе, почему бы не поспать! Как ваша рука? Вы уже освоились в своем кабинете? Он напротив.

– Еще нет, господин оберст. Я думал обсудить план наших действий.

– План прост. В 12.00 будет собрание на площади. Я выступлю с речью. Главу города не нашли. По-видимому, скрылся вместе с семьей. Сейчас в подвале сидят двое. Вчера их взяли на заводе в кабинете директора. Я дал установку привести в комендатуру всех, кто занимал высокие должности. Сегодня назначим бургомистра города, начальника полиции. Всех партийных в гестапо. Будем выяснять их намерения о сотрудничестве. В противном случае расстреляем. Бургомистр и полиция займут здание Дома пионеров. Там достаточно места. Так, Райнер, вы идите и попросите в приемной Эльзу сделать мне крепкого чая. Обосновывайтесь в новом кабинете. В 12.00 выйдем на площадь. Да, и еще проконтролируйте, чтобы солдаты успели сколотить трибуну на площади.

– Я понял вас, господин оберст. Все будет готово.

Райнер пошел исполнять приказание, а сам нет да нет ловил себя на мысли о спасенной девушке с красивым, но сложным в произношении для него именем – Таисия. Мысли о ней его просто не хотели покидать.

Тася тем временем успокоилась, вытерла слезы, открыла комод, достала альбом для фотографий, перебрала фотографии и вернулась в большую комнату. Эрих уже расправился с завтраком и допивал свой чай. Она села за стол и внимательно посмотрела на фрица. В руках у нее было бабушкино фото.

– Отведи меня к бабушке на могилу.

– Да, хорошо, – сказал Эрих, поняв ее просьбу.

Он взял автомат, и они вышли из дома. Шли минут пятнадцать, в сторону выезда из города. Потом свернули в лесочек и буквально сразу вышли на красивую полянку. Тася сразу увидела на возвышении бугорок из свежей сырой земли. Место было красивое. Эрих умудрился сделать даже небольшой деревянный крест, из того, что нашел утром во дворе. Тася со слезами бросилась на могилку. Она долго плакала, как будто бабушка ее услышит и придет к своей любимой внучке. Но она не приходила. Таисия успокоилась. Прикрепила фото к кресту и, оглянувшись, с благодарностью посмотрела на Эриха. Он стоял поодаль и исподлобья наблюдал за девушкой. В ее взгляде он увидел боль, одиночество, горе и беспомощность. Именно тогда он проникся состраданием к этой милой девушке. Именно тогда он не мог взять в толк приказ фюрера об уничтожении славянской нации. Он смотрел на эту красивую беззащитную девушку и не понимал, какую угрозу этот ангел может представлять для Германии.

Он подошел к Тасе, помог ей подняться и дал понять, что лучше вернуться домой. Они вошли в дом. Эрих принялся суетиться на кухне. Принес еще откуда-то рюкзак с едой, разложил все по полочкам, убрал со стола.

Тася уселась у окна и тупо уставилась в одну точку, не понимая, как жить дальше. Из этого состояния ее вывел стук в окно. Галка постучала в окно, объявив, таким образом, о своем приходе, понеслась уже к двери. Тася обернулась на немца. Он же схватил автомат и направил его в сторону двери.

– Не смей! – кинулась Тася на немца.

Эрих, как можно аккуратнее, толкнул девушку к стене. Галка как вкопанная уже стояла в проходе, не зная, что делать дальше.

– Всем находиться на местах. Я не собираюсь стрелять. Смотрите, я кладу оружие. Я не сделаю ничего плохого. Только стойте на своих местах. Кто это? – спросил немец Тасю.

Галина все прекрасно поняла.

– Я подруга. Я зашла узнать, как дела у Таисии. Где Пелагея Семеновна? А вы что тут делаете? – осмелилась спросить Галка у безобидного на первый взгляд молодого человека.

– Господин майор занял этот дом для проживания. А если вы имеете в виду женщину, которая здесь жила, то ее утром похоронили.

– Как это? – крикнула Галка и бросилась к подруге. – Вы что же, ее убили?

– Нет. Не я. Но это сделали наши соотечественники, – произнес Эрих и опустил глаза.

Тася поняла, что речь идет о ее бабушке, и опять на нее нахлынули ужасные воспоминания, которые заставили заплакать.

– Тасечка, успокойся, родная! У тебя еще есть я. Пойдем жить к нам. Мама с папой будут тебе рады. Они сейчас на площади, а я вот решила к тебе, как договорились. Давай соберем вещи и пойдем.

Галка решительно пошла в комнату подруги и принялась собирать вещи. Тася сидела в полной отрешенности от происходящего. Эрих, сообразив, что затеяла эта шустрая девчонка, направился за ней.

– Фройлен, не стоит тратить время. Если вы намерены забрать эту девушку, то я не смогу ее отпустить, – остановил немец девушку.

Он уже понял, что Галина достаточно хорошо владеет языком и ей не придется долго все объяснять.

– У меня есть приказ охранять вашу подругу, поэтому я не позволю вам ее увести.

– Интересно, что за приказ и кто это такие приказы выдает, где жить людям. Где захотим, там и будем жить! – разошлась не на шутку Галка и подбоченившись подошла к немцу.

– Как ваше имя, фройлен?

– Галина Петрова.

– Так вот, Галина Петрова, вы можете идти, но эта девушка останется здесь. Здесь для нее будет безопасней. По крайней мере, здесь за нее есть кому заступиться.

– Это ты, что ли, будешь заступаться? – не унималась Галя.

– Господин Нортемберг. Но если надо будет, то я тоже в стороне не останусь. Тем более что майор уже спас жизнь вашей подруге.

Галя вопросительно посмотрела на Тасю. Та так безучастная ко всему и сидела. Тогда Эрих рассказал все с того момента, как офицер выстрелил в солдата, до того, как они вернулись только что с могилки.

Галка села на кровать рядом с подругой, взяла ее руку в свою, чтобы как-то помочь пережить ей эту потерю.

– Надо помянуть, – тихо сказала Галя.

– Она что-нибудь ела? – спросила у немца Галина и по-хозяйски направилась к плите.

– Нет, отказалась.

– Бабушку надо помянуть. Есть шнапс?

– Да, есть, сейчас, минутку.

Эрих достал бутылку. Галя собрала на стол закуску, какую нашла. Взяла подругу за руку и посадила за стол. Девушка налила в стаканы немного спиртного. Немец даже уже с интересом наблюдал за этой боевой фройлен.

– Что стоишь? Иди, давай, садись, помянем Пелагею Семеновну.

Немец послушно сел. Галя несколько минут говорила о том, какая замечательная была Пелагея Семеновна. И о том, что жизнь не остановилась и надо жить дальше. И о том, что время расставит все по своим местам. Они выпили. Шнапс был такой крепкий, что девушки закашлялись. Эрих про себя улыбнулся и принес девушкам в ковшике запить. Они немного порозовели. Галя заставила Таисию поесть. Та вроде бы как немного и ожила. Галина сбросила с себя воинственный настрой. Атмосфера понемногу разрядилась.

– Как тебя зовут? – спросила Галка немца.

– Эрих Майер.

– А почему ты, Эрих, пошел на войну? Тебе что, Германии мало?

– Нет. Меня устраивает моя страна. Но меня призвали в армию. Я даже не доучился.

– А на кого ты учился?

– Отец хотел, чтобы я пошел по его стопам. Я учился на бухгалтера.

– А я встала на перепутье. Хочу быть учителем. Но не решила, математика или немецкий язык. Люблю и тот предмет, и другой.

– Я советую преподавать немецкий. Ты хорошо им владеешь. Мне приятно с тобой разговаривать.

– А Тася у нас уже почти профессиональная швея. Она сама шьет себе одежду.

Галка по-хозяйски взяла бутылку и еще немного налила всем спиртного. Эриху все больше и больше нравилась эта разговаривающая так хорошо по-немецки боевая девушка.

Тем временем горожане собрались на площади. В основном это были старики, женщины, молодежь и дети. Но, как ни странно, присутствовали и мужчины призывного возраста.

Немецкое командование во главе с оберстом Альтманом Кенингом в назначенное время вышли на трибуны. По периметру площади и возле трибуны устрашающе стояли немецкие солдаты с автоматами.

Кенинг начал свою речь, которую на русском языке уже доносил до собравшегося народа его переводчик лейтенант Джорг Шнайдер – очень неприятный, круглолицый, холеный блондин.

– Горожане и горожанки! Мы, солдаты Третьего рейха, являемся вашими освободителями от советской власти! Мы пришли, чтобы освободить вас от коммунистов и показать хорошую счастливую жизнь под крылом Великой Германии! Запомните! Все, кто сейчас примут решение сотрудничать с нами – с непобедимыми солдатами нашего фюрера, – будут удостоены жалованья и продовольственного пайка. За сдачу каждого политического вам будут платить деньги. Завтра в это же время мы назначим бургомистра города. За попытку покинуть пределы города – расстрел. Желаящим записаться в полицию подходить в здание комендатуры. Немецкой армии нужны верные солдаты. За скрывание молодых мужчин – расстрел.

– Я готов записаться в полицию! – послышался голос из толпы, и молодой мужчина, лет 25, расталкивая всех локтями, пробивался к трибуне, слушая недовольства со стороны горожан.

– Я готов!

Переводчик перевел Кенингу желание мужчины.

– Похвально, похвально! Подойдите к нам. С вами проведут беседу, Вы подпишете необходимые бумаги и будете зачислены в полицию. С сегодняшнего дня вас ждет паек и вознаграждение.

– Есть ли еще желающие стать частью немецкой армии?

Как ни странно, желающих нашлось, и немало. В первый год войны многие боялись идти на фронт, особенно после первых поражений. Поэтому прятались где могли. А с приходом немцев повывезали.

– Горожане! Обращаюсь к вам. Кто будет содействовать всячески ускорению победы немецкой армии, тот будет щедро вознагражден. Сегодня у вас еще есть время подумать. Завтра будет поздно. Завтра в 12.00 всем быть на площади. Будет назначение бургомистра города и заведующего полицейским участком. И еще, никто ни при каких обстоятельствах не должен покидать своих рабочих мест.

– Вот гады! – в сердцах сказал Борис Моисеевич Садовникову, слушая из подвала теперешней комендатуры речь немецкого офицера.

– Да, плохо дело.

Алексея Ивановича и Горячева немцы взяли на заводе. Они обсуждали план эвакуации. Люди были поставлены в известность. Как говорится, сидели на чемоданах. Мужчины все-таки надеялись, что выделят какой-то транспорт, но, оборвав телефонные провода, выяснили, что эвакуация начнется завтра и людям придется идти пешком, нести свои пожитки, а кому-то малых детей. Но раннее вторжение немцев не дало уйти ни малым, ни старым.

– Алексей Иванович, думаю так! Предложат немцы сотрудничать, соглашаемся. То, что коммунисты, признаемся сами. Вон сколько иродов в полицию наострились. А по возможности в лес уйдем. Или к нашим за линию фронта будем прорываться. Так что вызовут, горячку не пори, со всем соглашайся. А там посмотрим. Мертвые-то мы не нужны стране, а вот вырвемся, так и повоюем.

– Так и порешим, – согласился с ним Садовников.

Наконец-то, обливаясь потом, закончил свою речь Кенинг и направился в комендатуру. За ним двинулись офицеры, входящие в состав командования.

– Райнер, зайдите ко мне, – не оборачиваясь, сказал Альтман.

– Да, господин оберст.

Мужчин, изъявивших желание войти в полицию, немцы завели в здание, подвели к одному из кабинетов и приказали заходить по мере приглашения.

– Райнер, сейчас мои орлы проведут беседы с этими русскими предателями. Сегодня вы займетесь набором полицаев в ряды немецкой армии. Через пару дней приедет оберштурмбан-фюрер СС Кейсер Петерман со своими ребятами. А вы пока выявите самого надежного на ваше усмотрение. До вечера сделаем назначение, а там за банку тушенки он продаст и мать родную. Вы остаетесь в городе. Эльза! – крикнул Альтман своей машинистке. – Быстро ко мне Фишера, Вебера и Хофманна. Завтра эти ребята, Райнер, вместе со мной и Шнайдером, взяв небольшие отряды, поедут в соседние деревни. Там много работы. Кстати, срочно, найти граждан, владеющих немецким. Нам потребуются переводчики. Подумайте, Райнер, кто это может быть? Может, учителя? Нам придется много поработать, прежде чем мы наведем здесь порядок.

– Господин оберст, привели на допрос двоих. Тех, что провели здесь ночь, – доложила белокурая Эльза.

– Давай их сюда! Райнер, останься. Эльза, а вы срочно за Шнайдером. Мне нужен переводчик! Пусть пока офицеры составляют досье, как могут, на этих русских свиней. Чувствуете, дорогой Райнер, не хватает переводчиков. Сейчас узнаем, что это за птицы и какого полета! – торжествовал Кенинг.

Двое солдат ввели Садовникова. Следом пришел Шнайдер. Начался допрос. Эльза записывала все, что переводил лейтенант. На все вопросы Садовников отвечал честно, как есть, как договорились с Борисом Моисеевичем. Назвал свое имя, должность. Сказал, что коммунист. Кенинг насторожился. На вопрос, как он относится к советской власти, ответил, что отрицательно, что готов сотрудничать с немцами. В общем, говорил так, чтобы немцы отпустили его и появился момент к действиям. Беседа была около часа. Садовникова увели.

Завели Горячева. Его допрашивали так же около часа. Борис Моисеевич тоже отвечал, как условились. Кенинг не верил, что эти коммунисты так легко пошли на сотрудничество. Приказал их оставить пока в тюрьме, которую оборудовали в здании комендатуры, и проверить.

– Райнер, ну что ж, отпускаю вас со Шнайдером к русским предателям. Не ошибитесь. Завтра с утра жду от вас результаты вашей работы. Эльза, срочно ко мне обер-лейтенанта Хермана.

Через минут семь в кабинет полковника вошел Ганс Херман.

– Обер-лейтенант, вы сейчас берете группу солдат, находите местную типографию и займетесь пропагандой хорошей жизни в Германии. Вы понимаете, о чем я?

– Да, господин оберст.

– Завтра вечером крайний срок. Жду от вас эскизы листовок. Вы полностью отвечаете за типографию. И чтоб не было никаких недоразумений. Уладите этот вопрос и срочно займитесь швейной фабрикой. Я так понимаю, часть машин успели вывезти. А часть осталась. Поэтому проследите, чтобы наладилось производство обмундирования для солдат Третьего рейха. При общении с русскими, выявляйте важных для нас людей. Приступайте!

– Хайль Гитлер! – крикнул Херман и поспешил выполнять приказ.

– Эльза, зайдите ко мне! – крикнул Кенинг.

– Слушаю вас, господин оберст!

– Я сейчас еду на обед. Подготовьте следующие приказы. Итак, первое, местную гостиницу оформить под бордель и возобновить работу ресторана на первом этаже. Второе, освободить больницу для немецких солдат. Не сегодня так завтра сюда будут поступать солдаты с ближнего фронта. Русские все свои проблемы пусть решают в поликлинике. Аптеки все закрыть. Все медикаменты изъять и доставить в больницу. Работников аптек на учет. Мы най-

дем для них работу позже. Третье, школу, которая находится в двух кварталах отсюда, срочно переоборудовать под немецкую казарму. Школьную мебель в подвал. А у местных изъять необходимое количество кроватей и мебель, необходимую для комфортного проживания. Четвертое, городская баня должна работать только для солдат Великой Германии. Пока все. Ответственный за это капитан Шварц Краузе. Кстати, я его сегодня не видел.

Эльза опустила глаза, и Кенинг догадался, что Шварц вчера перебрал и скорей всего даже не появлялся в комендатуре.

– Найти его и передать приказ в письменном виде. Срок исполнения два дня. Я буду через час, – сказал Альтман и вышел в коридор.

Сев в машину, он приказал водителю ехать домой, то есть в тот дом, где вчера остановился. Он неважно себя чувствовал, устал, и ему хотелось побыть одному. В ближайшую неделю ему надо было провести очень много организационных работ и показать русским, кто здесь хозяин.

Альтман зашел в квартиру, где был небольшой беспорядок, так как старым жильцам дали пять минут на сборы, а потом пошел к соседям, молодым офицерам, поужинать и отметить благополучный приезд в город. «Надо будет найти домработницу», – подумал Альтман и прилег на кровать. Немного отдохнув, он перекусил и отправился опять в комендатуру.

Тем временем Райнер с лейтенантом Шнайдером продолжали вести беседу с добровольцами в полицию, число которых пополнялось.

Офицеры уже практически на каждого желающего составили досье, причем, опрашивая последующих, спрашивали мнение предыдущих, чтобы четче сложилось представление о будущих полициях.

На должность главного полицая Райнер с Джоргом решили поставить Латышева Григория Федоровича. Он был из бывших дворян. Ему было 55 лет. На допросе был немногословен, но в его взгляде была видна неподдельная ненависть к большевикам. На вопрос Райнера, почему он так ненавидит большевиков, он ответил просто: «Есть за ними должок. Видать, пришло время его отдавать». По интонации его голоса Райнер понял, что этот человек будет очень предан немецкой Германии. Желание отомстить было видно невооруженным глазом. На вопрос, кого он видит бургомистром города, Латышев посоветовал Камышева Евгения Прохоровича, бывшего директора пивоваренного завода.

– Что он за человек? – спросил Райнер.

– Года три назад, он был замечен в каких-то махинациях вместе с главным бухгалтером пивзавода. Был снят с должности и приговорен к нескольким годам лишения свободы. Главного бухгалтера посадили, а он на некоторое время исчез, но вот уж несколько лет как объявился. Не работает, но не бедствует. Баба его наряды меняет, в рестораны ходили, пока они функционировали. Мужик хваткий. Город знает, что и говорить, но коммуны явно недолюбливает.

– Недолюбливает или ненавидит, так же, как и вы? – не отрывая глаз, спросил Райнер.

– Думаю, так же, как и я, господин офицер. А с политическими осторожнее, они сегодня с вами, а завтра к красноармейцам примкнут.

– Мы учтем ваш совет, Латышев. Завтра утром подойдете к этому кабинету. Скорей всего, вас назначат главным начальником полиции. Завтра же вы получите документы и инструкции по работе с населением и вашими подчиненными. Пишите адрес Камышова, и до завтра вы свободны.

Латышев вышел из кабинета с лицом победителя и, расправив плечи, покинул здание. Он давно ждал такого поворота судьбы, и его время пришло.

Далее Райнер отправил наряд солдат за Камышовым. Потом, посоветовавшись с Джоргом, они приказали солдатам ввести добровольцев.

– Мы рады, что вы приняли верное решение сотрудничать с Великой Германией. И поверьте, что она вас за вашу преданность не оставит. Сейчас – людей, чьи фамилии мы назовем, сделать шаг вперед. Стригунов, Никитин, Михайлов, Калугин, Овечкин, Фомакин, Калинов, Зайцев, Рыбин, Авдошин, Мишенькин, Борисов, Кузин, Касьянов, Будник и Киреев. Поздравляю! Вы зачислены в ряды немецкой полиции. Завтра утром быть у дверей этого кабинета. Получите документы и инструкции. Вы свободны. Остальные семь человек проведут ночь в комендатуре. После повторной проверки вас еще раз вызовут на допрос.

Райнер отнес досье Латышева и остальных утвержденных добровольцев в паспортный стол для изготовления документов. Там выпил чашку чая и вернулся в кабинет, как доставили уже Камышова. Весь вид его просто кричал, что он не то что бургомистр, а настоящий царь. Это был высокий, холеный, упитанный мужчина, лет пятидесяти. Он резво отвечал на вопросы. Его глаза горели каким-то бешеным огнем.

– Готовы ли вы служить Великой Германии, великому фюреру, всячески оказывать содействие немецкому командованию в качестве бургомистра этого города? – спросил его Райнер.

– Готов, господин офицер! – не дослушав вопрос, бодро ответил Евгений Прохорович.

– Ну что ж, вы нам подходите! Завтра жду вас утром в этом кабинете в 9.00. Уладим все вопросы с документами и представим вас жителям города. Вы свободны. До завтра.

– Да, господин офицер!

– Пусть господина Камышова отвезут домой, – отдал приказ Райнер солдату за дверью.

Джорг и Райнер были выжаты как лимон.

– Ну, что ж, Джорг, пойдем доложим о проделанной работе Кенингу, – устало сказал Райнер и, взяв досье на Камышова, направился в кабинет оберста.

Джорг нехотя встал и пошел следом.

Кенинг изучал план города, в частности железнодорожную станцию. При виде офицеров отложил все в сторону и приготовился к отчету о выполненной работе.

– Чем порадуете, господа?

– На должность бургомистра более подходящей кандидатуры пока нет, – Райнер положил досье на стол.

Кенинг просмотрел папку.

– Что скажете, господин оберст? – спросил Райнер.

– Думаю, неплохо. Завтра я с ним сам поговорю. Можете отнести это в паспортный стол.

Все равно им придется пройти еще проверку СС. Ну, что, господа, славно поработали! Теперь все свободны. Надо отдохнуть.

Офицеры вышли из кабинета.

– Эльза, задержитесь и подготовьте приказы о назначении бургомистра и начальника полиции. В паспортном отделе возьмете все данные и к тому же приказ в продовольственный отдел на выдачу пайка полицаям. И в финансовый отдел на жалованье. Утром они должны лежать у меня. После обеда я выезжаю в колхоз «Заря».

Офицеры вышли из приемной и направились к машинам.

– Райнер, а где ваш водитель? – крикнул Кенинг, увидев, что тот садится за руль.

– Он сегодня себя неважно чувствовал. Я дал ему выходной подлечиться.

– Завтра пусть покажется врачу. И не расслабляйте солдат, Райнер. Он здесь, чтобы служить, а не болеть, – громко рассмеялся своей шутке Кенинг и сел в машину.

Райнер несся по улицам города, как ошалелый. Перед глазами стоял образ прекрасной русской девушки Таисии.

Подъехав к дому, Райнер увидел в окне свет. Уже вечерело. Шторки были задёрнуты. Интересно, чем она занималась днем, как настроение, долго ли будет злиться на него из-за

смерти бабушки? – задаваясь этими вопросами, Райнер вошел в дверь и остановился как вкопанный.

Он представлял себе всякое, но не это. Его водитель, якобы больной, громко разговаривал с какой-то девушкой на немецком языке. Она сидела спиной к нему за столом и на чистом немецком языке отвечала на какие-то вопросы. Тася сидела в профиль к нему и, наблюдая за этой говорливой парочкой, тихо улыбалась. Лица у всех были румяные, и причиной этому была, по-видимому, бутылка шнапса, стоящая посередине стола.

Увидев своего начальника, Эрих вскочил и отдал честь. Девушки тоже встали.

– Солдат Майер, потрудитесь объяснить, что здесь происходит?

– Господин майор, – Эрих посмотрел на Нортемберга. – Такая ситуация, что...

Увидев, что солдат полностью потерялся, Галина взяла все в свои руки и, чувствуя в этом свою вину, решила его поддержать.

Она подошла к Райнеру и на чистом немецком языке рассказала все от того момента, как она пришла в этот дом. Он изумленно смотрел на нее. Она говорила без малейшего акцента. Вся злость куда-то пропала. В доме было тепло, уютно и пахло едой. Райнер проголодался. В разговоре он задал Гале несколько вопросов, отправился к умывальнику, вымыл руки и сел за стол.

– Тася, офицер тоже хочет помянуть Пелагею Семеновну, – сказала Галка и жестом пригласила сестр на свои места.

Эрих виновато молчал, опустив голову. Райнер сел напротив Таси. Она была намного живее, чем утром. Даже говорила с подругой, правда, на русском языке. Галина немного рассказала Райнеру о Тасиной бабушке, и он отчетливо понимал, как больно ей было потерять единственного родного человека. Эрих больше не выпивал, но довольно-таки быстро влился в общий разговор. Вернее, больше говорила Галина, ей выпала роль переводчицы. Мужчины рассказывали о Германии, девушки о жизни в своем городе до войны. Со стороны можно было подумать, что за столом сидят старые приятели. Когда совсем стемнело, Галка вдруг вспомнила, что родители, должно быть, волнуются за нее и ждут.

– Эрих, вы в состоянии сейчас сесть за руль? – спросил Райнер

– Да, господин майор, готов.

– Отвезите девушку домой. Сейчас не безопасно. Завтра введут комендантский час.

– Спасибо, господин офицер, – поблагодарила его Галка.

– Галечка, спасибо, что пришла. Надо завтра узнать, что с Зиной, – сказала Тася и обняла подругу. Тася посмотрела на Галю и на Эриха и поняла, где она его видела. Как же они были похожи. Оба худые, узколицые, востроносые.

– Эрих, когда отвезете девушку, зайдите ко мне, – попросил Райнер.

Ребята ушли. Таисия начала убирать со стола. Это говорило о том, что она реанимировалась и продолжает жить.

– Таисия, давайте выпьем чаю. У меня есть шоколад.

Он достал шоколадку, и Тася поняла, что он предлагает чай. Она не хотела, но почему-то не отказала Райнеру. Он сам налил чай. Они сидели в тишине и молча пили, лишь изредка поглядывая друг на друга.

Райнер видел, что девушка утомлена последними событиями, плюс шнапс, но не решается спросить разрешения спать. Взгляды, которые она бросала в сторону комнаты, явно свидетельствовали об ее усталости.

– Таисия, вы можете ложиться спать. Я буду спать здесь, – показал он на бабушкину кровать. – Идите в свою комнату, спокойной ночи.

Таисия все поняла и с легкостью решенной задачи пошла спать. Она не раздевалась, легла под одеяло в платье. Долго не могла уснуть. Ей все мерещилось, что офицер ворвется к ней в комнату с мерзкими намерениями. Потом она услышала, как вернулся Эрих. Они еще неко-

торое время о чем-то, почти шепотом, говорили, потом хлопнула дверь, скрипнула кровать и наступила тишина, в которой она и уснула.

Райнер тоже долго ворочался. Он просто путался в своих мыслях. Раньше он думал только о службе и возвращении на фронт. А теперь появилась девушка, которая заняла все его мысли, и он не знает, что с этим делать. Но усталость взяла свое, и он уснул.

Райнер проснулся рано. Тася уже хозяйничала. Согрела чайник, сварила последние четыре яйца и нарезала хлеб. Девушка немного смутилась, вышла в комнату.

– Таисия! – Райнер позвал девушку, тем самым предупреждая, что уже одет.

Тася вошла. Немец предложил ей сесть за стол, налил им обоим чай, и они в полном молчании начали чистить яйца. Райнер первый нарушил тишину.

– Таисия, вы сегодня остаетесь дома. В обед я вам привезу новый немецкий паспорт и документ, который подтверждает, что вы являетесь моей домработницей. Это хоть как-то обезопасит вас. Вашу подругу Галину я возьму своим личным переводчиком, иначе ее приберет в комендатуру кто-нибудь другой или, того хуже, отправят в Германию.

Таисия понимала, о чем он говорит, и при слове домработница немного поежилась.

– Я сам буду все делать. Не переживайте, Таисия. Я все умею делать сам, – успокоил ее Райнер и добродушно улыбнулся.

На щеках Таси невольно заиграли ямочки. Она представила, как этот мужчина будет стирать свою форму. Как же она была красива. Такая нежная, такая свежая и такая юная.

Постучался Эрих, присоединился к ним завтракать. Райнер дал некоторые указания водителю. Потом попросил Тасю дать свои данные для документов, адрес Галины и уехал в комендатуру. Она видела в глазах этого молодого офицера неподдельную тревогу и заботу. Оставшись одна, девушка хлопотала по хозяйству, а Эриха попросила принести воды и наколоть дров.

Райнер приехал в комендатуру одним из первых. Зашел в паспортный отдел, отдал сведения на девушку и попросил к обеду сделать все документы.

Потом пошел в свой кабинет. Эльза уже была на своем рабочем месте, как всегда ухоженная, с ярко накрашенными губами. Создалось впечатление, что она отсюда никуда и не уходила. Через минут пять она принесла целую стопку приказов на подпись. «И когда она все успевает?» – подумал про себя Райнер. Не зря Альтман повсюду ее с собой таскает. И поселил ее почти рядом со своей квартирой. Она предугадывала почти каждый его шаг и была очень исполнительницей и просто яркой фанаткой фюрера.

Было 8.30. Райнер еще раз просматривал досье на тех семерых человек, которые сегодня провели ночь в комендатуре. Двое из них скрывались от призыва в Красную Армию, якобы ждали их, немцев. А пятеро уже участвовали в боях против немецких захватчиков и толком так и не объяснили своего появления в городе. Причем были политическими.

– Эльза, зайдите, пожалуйста! – крикнул Райнер. – Подготовьте приказ о зачислении в полицию Соколова и Монины и пусть их доставят немедленно на инструктаж. Участь остальных решит СС. Через пару дней они приедут.

Райнер отдал приказ и отправился в кабинет, где вчера вербовали полицейских. Добровольцы уже стояли у дверей. Латышев и Камышов в том числе. Райнер вошел в кабинет. Шнайдер был уже там, он готовил инструкции и проверял готовые документы.

– Входите, – позвал их Райнер.

– Итак, господа! – переводил Шнайдер речь Райнера. – Мы еще раз вас поздравляем с правильным решением. Сразу хотим представить вам бургомистра города – Камышова Евгения Прохоровича – и вашего непосредственного начальника – начальника полиции Латышева Григория Федоровича. Сейчас я зачитаю ваши обязанности.

Райнер долго зачитывал документ, в котором говорилось, что полицаи должны поддерживать порядок на улицах города, осуществлять контроль санитарного состояния и чистоты улиц, благоустройства дорог, фасадов домов и других строений. Выявлять уголовных преступников, так как они являются лучшими друзьями большевиков и коммунистов, комсомольцев, активистов, людей, которые настроены против немецкой власти, подвергая аресту. Вести борьбу со всеми нарушителями режима, установленного немецким военным комендантом в городе и во всем районе. В городе и в ближайших селах вести учет лиц, прибывших после начала войны, то есть беженцев с наличием исправных документов, для того, чтобы выявлять отставших солдат Красной Армии и советских разведчиков и просто людей, не входящих в доверие, с целью отправки их в лагерь. Вести учет постоянных жителей. Также провести работу по выдаче удостоверений личности на три месяца с постоянным продлением только в местности выдачи. За несвоевременное продление налагать штрафы. Удостоверения выдавать на русском и немецком языках, клеивать фотокарточку владельца. Вторую фотокарточку хранить у начальника полиции. В удостоверении отмечать внешние данные владельца: телосложение, рост, цвет волос, глаз, особые приметы. Все это утверждать немецкой печатью. На удостоверениях лиц, прибывших в данный пункт после начала войны, ставить букву «Ч» («Чужой»). За неимением бланков удостоверений клеивать листок в советский паспорт с указанием примет владельца. Вводить домовые книги с обязательной пропиской вновь прибывших граждан. Выявлять людей, предоставляющих ночлег без разрешения бургомистра, подвергая штрафам. При малейшем подозрении проводить незапланированные обыски и облавы, всячески оказывая содействие немецкой армии.

– Итак, господа, позже вы подпишете акты о вашем сотрудничестве с Великой Германией и рабочие инструкции на немецком и русском языке. Далее все указания вы получите от Латышева. Теперь выйдите в коридор и ждите. Господин Камышов и Латышев, задержитесь.

Новые полицейские вышли из кабинета в возбуждении и готовы были хоть сейчас идти проводить обыски.

– Господа, – продолжал Райнер. – Вам выпало огромное счастье служить нашему фюреру, и, надеюсь, вы оправдаете наше доверие. Какое здание, по вашему мнению, подходит для центральной полиции? Господин Камышов, ваше рабочее место будет там, но каждое утро вы будете докладывать об обстановке в городе здесь, в комендатуре на совещаниях. По первому приказанию вы обязаны являться в комендатуру.

– Думаю, что здание библиотеки очень подойдет, – предложил Латышев. – Это просторное двухэтажное здание, да и находится недалеко отсюда.

– Господин Камышов, что вы думаете?

– Да, господин офицер, это подходящий вариант.

– Отправьте своих людей очистить библиотеку. Книги можете уничтожить. Сейчас вас проводят в хозяйственную часть, получите паек и форму для полицаев. Там же закажите вывеску для здания. Вам дадут машину. Латышев, это поручаю вам. Когда закончите, начинайте работу. Поделите город на полицейские участки, поставьте там доверенных людей. Все действия фиксировать в письменном виде. Мы любим порядок. Сейчас проследите, чтобы ваши служащие подписали соглашения, и вперед. И еще. После обеда вы войдете в отряд, который поедет по окружным селам. Там понадобится ваш совет в назначении старосты и полицаев. В городе вместо себя оставите главного. Завтра утром доложите о проделанной работе. Господин Камышов, вы сейчас пройдете со мной. Вам предстоит разговор с господином оберстом Альтманом Кенингом. Подпишете соответствующие бумаги и отправитесь в свое новое правление. Следуйте за мной.

Райнер, Камышов и Шнайдер направились к Кенингу. Латышев остался контролировать подписание соглашений в присутствии двух солдат.

Альтман уже был на работе. Настроение было хорошее. Самочувствие – тоже. Работа кипела. С утра он ознакомился с огромным количеством новых приказов. Увидев офицеров, он встал и громко поприветствовал их. Некоторое время разглядывал нового человека, вошедшего с ними.

– Господин оберст, это Камышов Евгений Федорович. Готов приступить к выполнению обязанностей бургомистра города в интересах Великой Германии.

«Действительно бургомистр», – подумал про себя Кенинг, изучая высокого, статного мужчину.

Он провел с ним небольшую беседу. И лицо Альтмана говорило, что он вполне доволен предложенной кандидатурой.

– У меня к вам еще вопрос, – изогнув бровь, сказал Кенинг. – У нас в подвале сидят двое. Как их там? А-а-а! Садовников и Горячев. Они коммунисты и готовы присягнуть фюреру. Что вы об этом думаете?

– Я знаю их давно. Садовников, может, и правда испугался. А вот Горячев навряд ли. Они с женой принимали активное участие в движении коммунистов и комсомольцев. Садовникова можно проверить. А Горячева я бы советовал не выпускать. И желательно жену его тоже подержать здесь.

– Хорошо, господин Камышов, мы это учтем. Вы свободны. В 11.45 жду вас для представления вас всему городу в новой должности. Надеюсь, остальные моменты вы обсудили с господином Нортембергом?

– Да, господин офицер! – почти прокричал Камышов и вышел из кабинета.

– Райнер, отлично. Все идет по плану. После того как сделаем представление, я уеду в село. Хочу посмотреть сам, с чем надлежит работать. Кстати, Шнайдер едет с нами. Справитесь без переводчика?

– Да, господин оберст. Я нашел себе хорошего переводчика, вернее переводчицу.

– Оперативно, Райнер, оперативно. Когда успели?

– Я взял себе домработницу, хозяйку квартиры, где я остановился. Ее знакомая отлично владеет языком. После обеда ее доставят в комендатуру и оформят все соответствующие документы.

– Лихо же вы, однако, Райнер! Я только подумал, чтоб приобрести какую-нибудь чисто-плотную женщину, чтобы следила за уборкой, одеждой и едой, а вы уже обзавелись. Прыткий малый! – шутил Кенинг.

– А что делать? Я так понимаю, что мы здесь надолго. Надо наладить быт. Одними консервами сыт не будешь. Я не повар, да и солдат Майер – всего лишь отличный механик, – поддерживал разговор Райнер.

– Надеюсь, что приглашения на ужин долго ждать не придется, – не унимался полковник.

– Я это учту, господин Кенинг.

– А теперь, Райнер, прикажите-ка доставить мне этого Садовникова. Побеседуем еще раз.

Райнер отдал приказ, и через пять минут в кабинет к Кенингу доставили Садовникова. После рекомендаций Камышова относительно этих двоих, Кенингу сразу же пришла мысль, как проверить директора электромеханического завода.

– Ну, что ж, господин Садовников. Извините нас за доставленные вам неудобства. Мы должны быть уверены в людях, с которыми нам предстоит сотрудничать. После проверки вашей личности мы убедились в правдивости ваших слов и у вас есть возможность доказать свою преданность фюреру. Сегодня вас выпустят, а завтра вы явитесь сюда в 9.00 и подпишете приказ на назначение на новую должность и проведут инструктаж.

У Садовникова все похолодело внутри. «Что за проверка, какая должность, что за ситуация в городе, выпустят ли Горячева?» – мысли кружились у него в голове, как пчелы в потревоженном улье.

– Если вам все понятно, то я вас не задерживаю.

– Я свободен?

– Да, господин Садовников, вы свободны завтра до 9.00, – еще раз подтвердил Шнайдер. Садовников вышел в полном смятении и напрямик направился к Горячевым, чтобы успокоить его семью.

– На какую должность вы поставите этого русского? – поинтересовался Райнер.

– Он займется вербовкой молодежи на работу в Германию. Часть отправим сейчас. Германии нужны молодые и здоровые рабы. А там посмотрим по обстановке. А для него это будет серьезным испытанием, – прищурил глаза Кенинг, постукивая костяшками пальцев по столу.

– Так, господа, вы свободны. Райнер, передайте Эльзе, пусть зайдет.

Исполнительная Эльза не заставила себя долго ждать.

– Эльза, подготовьте приказ на этого человека, – Кенинг дал ей досье на Садовникова. – Этот человек будет заниматься вербовкой молодежи на работы в Германию. Стране сейчас нужна бесплатная рабочая сила для обеспечения всем необходимым солдат фронта. Завтра утром приказ должен лежать у меня на столе. После собрания на площади, я уезжаю в село. Вероятней всего вернемся завтра к вечеру.

Время приближалось к 12.00. Кенинг направился на городскую площадь. Там уже собрался полностью весь командный состав. Камышов и Латышев были на месте. Также присутствовали и 16 новоиспеченных полицаев, уже переодетых в черную полицейскую форму с повязкой на рукаве, которая гордо кричала об их новой деятельности. На площади собралось народу намного больше, чем в первый раз.

Альтман Кенинг взошел на трибуну. Шнайдер приказал не нарушать тишину во время произнесения речи полковника.

– Граждане и гражданки! Мы пришли к вам, чтобы освободить от большевистской заразы. Поэтому для начала мы должны навести порядок в городе. И сегодня я вам представлю вашего соотечественника и бургомистра города Камышова Евгения Прохоровича и начальника полиции Латышева Григория Федоровича. Желающим записаться в полицию, получать жалованье и паек обращаться в полицейский участок, который расположен в бывшем здании библиотеки. Сейчас я вам озвучу пункты, которых должно придерживаться все население города. Это все в ваших интересах, – сказал Кенинг и достал из папки лист бумаги.

– Первое: в городе вводится комендантский час. Свободное передвижение по городу только с 8.00 до 19.00. Исключение составляют люди, имеющие документ от бургомистра города, в котором будет указана причина их появления на улицах города в неуказанное время. Второе: военнообязанным, не вставшим на учет, грозит расстрел. Третье: жители сел и городов обязаны сдать оружие и боеприпасы. При обнаружении – расстрел, в лучшем случае – каторга. Четвертое: за прослушивание советских радиопередач – каторга до 5 лет. Пятое: каждый житель города обязан доводить до начальника полиции сведения о всех лицах, не проживавших до 22 июня 1941 года в данном городе, о всех приезжих и обо всех, кто будет прибывать. Шестое: жители, желающие дать приют приезжающим, обязаны доложить бургомистру города и объяснить причины их прибытия. Седьмое: жители, приютившие лиц Красной Армии, – приговариваются к расстрелу. Восьмое: жители, которые своевременно донесут на лиц, имеющих отношение к заговору против немецкой власти, поощряются наградой в размере 500 рублей. И девятое: за хищение и порчу немецкого имущества – расстрел. Надеюсь, что вы окажетесь добропослушными и преданными гражданами великой Германии!

Произнеся эту речь, Кенинг дал распоряжения по поводу обеда и поездки в совхоз «Заря». Оставив Райнера ответственным на время отъезда, он сел в машину и уехал.

Полицейские тут же лихо принялись выполнять свои обязанности, разгоняя людей с площади.

В совхоз немцы въехали в составе двух мотоциклов, трех грузовых автомашин и двух легковых автомобилей с немецкими офицерами.

Латышев сразу же сориентировал их к конторе, куда охотно стали подтягиваться жители совхоза. Руководство совхоза во главе с директором Петром Лазаревичем Кашириным очень добродушно встретило немцев и, проведя краткосрочные переговоры, полностью дало свое согласие на сотрудничество с так называемыми освободителями. К тому времени людей собралось достаточно много, и немцы сразу же решили ознакомить их с новыми порядками.

– Мы пришли сюда, чтобы вы – русские – снова стали хозяевами своей земли! – так начал свою речь Кенинг. – После войны все совхозные земли будут переданы и поделены между вами. Великая и справедливая Германия положит конец большевизму!

В толпе прошел радостный гул. В совхозе большевизм воспринимался как зло и очень многие были рады освободиться от ненавистного большевистского режима.

– С этого момента мы назначаем старостой совхоза господина Каширина. Отныне вы будете полностью подчиняться ему. Староста будет доносить до вас все распоряжения немецкого командования. За невыполнение его приказов, а еще хуже, за покушение на представителя немецкой власти виновники понесут тяжелые наказания, вплоть до расстрела. Желающие записаться в полицию могут сделать это прямо сейчас. Ваши кандидатуры будут рассмотрены старостой и начальником полиции вашего областного центра господином Латышевым. Вам выдадут форму и паек.

Кенинг не успел продолжить свою речь, как вперед вышли пять молодых. Он сразу же направил их с Латышевым в здание конторы.

– Для того, чтобы ускорить нашу с вами победу над большевизмом, от вас требуется: выявлять советских парашютистов, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и лиц, которые предоставляют им пристанище. Следующее: выявлять всех подозрительных и пришлых лиц и сдать в комендатуру все имеющееся оружие, боеприпасы, подрывные средства, голубей и радио и фотоаппараты. Все дома в совхозе будут пронумерованы, хозяйство все переписано, и, исходя из этого, каждую неделю вы будете отдавать определенную часть продуктов для солдат немецкой армии. И приятная новость: большую часть поголовья совхозного крупного рогатого скота мы отправим в Германию. Ровно половину собранного урожая немецкое командование отдаст вам как щедрое вознаграждение за ваши труды. Также для жителей совхоза будут проводиться культурные мероприятия по выходным. Вы будите смотреть фильмы о великой Германии, о жизни молодежи и сельских жителей. И желающие смогут поехать на работы в Германию, где их труд будет хорошо оплачиваться, а семьи, оставшиеся здесь, будут полностью обеспечены. Все дальнейшие указания и распоряжения вы получите от господина Каширина, как представителя немецкой власти.

Закончив свою речь, Кенинг с офицерами и новым старостой пошли в контору, где их ждал накрытый стол.

– Ну, что ж, господин Каширин, я рад, что мы так быстро нашли общий язык. Господин Шнайдер сейчас составит приказ о вашем назначении, выдаст удостоверения вам и вашим помощникам. Вам как старосте надлежит держать ухо востро. Полная реквизиция сельскохозяйственных продуктов, согласно нормам. Отлаженная организация сельхозработ. Поддержание внешнего порядка в селе. Введение комендантского часа после 19.00. В зимнее время организация очистки дорог от снежных заносов. Розыск оружия и боеприпасов. Мы вам даем право за нарушение не особо важных приказов наказывать жителей села лично самому наложением денежных штрафов, сажать под арест и отправлять к нам в город на исправительные работы. Мы вам оставим все документы. Изучите и приступайте к выполнению своих обязанностей. Наши связисты сейчас же начинают проводить связь с городом. В селе останется часть немецких солдат в количестве тридцати человек. Разместить их в отдельных домах без совместного

проживания с местными жителями, вернее жительницами. Нас заботит чистота нашей расы. Завтра выделить людей на строительство огневых вышек. Переписать все население, а в течение недели вам привезут необходимое количество удостоверений. Так. Сколько голов крупного рогатого скота на совхозных фермах?

– Порядка 1200 голов, господин офицер.

– На ферме оставить только молодых бычков. Остальных подготовить для отправки в Германию.

– Когда, господин офицер?

– Через неделю. И еще, займись вербовкой молодежи и подростков для отправки в Германию. Думаю, на этом все. Давайте отметим наше сотрудничество и скорейшую победу нашего фюрера над Советским Союзом.

На следующее утро Кенинг оставил часть немцев в селе, а с остальными поехал в Осиновку, где так же оперативно провел все организационные моменты и в хорошем расположении духа готов был ехать в город.

Оставшись за главного, Райнер отправился в паспортный отдел забрать новые документы на Таисию и Галину. Все было готово. Он решил съездить домой, отвезти документы и забрать Галину.

Райнер приехал вовремя. Эрих с Тасей как раз обедали. Увидев офицера, девушка встала, чтобы подать обед своему постояльцу.

За обедом особенно никто не говорил. За чашкой горячего кофе Райнер приказал Эриху привезти Галину. Таисия вопросительно подняла на него глаза.

– Таисия, ваша подруга будет работать у меня переводчиком. А вот ваши документы. Если меня не будет дома, а вас посетят представители немецкой власти, этот документ освободит вас от всяких объяснений.

Тася поняла, что этот документ обеспечит ей безопасность на время отсутствия немца. Потом Райнер прилег на кровать, а она принялась хлопотать по хозяйству.

Эрих на всех парусах летел за Галиной. Ему безумно хотелось увидеть эту говорливую девушку. Солдат подъехал к дому, нашел квартиру и постучался. Дверь открыл Семен Петрович.

– Мне нужна Галина Петрова, – сказал Эрих, улыбаясь.

Петров понял, что разговор идет о дочери, что очень уж его напрягло. Услышав немецкую речь, к дверям подошла сама Галина с Верой Михайловной. При виде немца Галина заулыбалась и совсем без страха к нему подошла.

– Мам, пап! Это Эрих. Он вместе с офицером поселился в доме у Тази.

Родители недоуменно смотрели на молодых людей и ничего не могли сказать.

– Галина, – сказал Эрих, – мне приказано доставить тебя в дом твоей подруги, а оттуда в комендатуру.

Лицо Галки вдруг стало серьезным.

– Зачем?

– Ты будешь работать переводчиком у майора Райнера фон Нортемберга.

– А если я откажусь? В мои планы не входило работать на немцев, – гордо сказала Галина. У Эриха тоже спала с лица улыбка, и он стал достаточно серьезным.

– Галя, сейчас молодежь будут увозить на работы в Германию. Через полторы недели придет эшелон за людьми и продовольствием. Ты этого сможешь избежать, если будешь работать при господине Нортемберге. Ты только будешь переводить. К тому же паек будет не лишним для твоей семьи. В противном случае тебя могут увезти. При попытке к бегству – расстрел.

Эрих опустил глаза. Родители Гали смотрели на дочь в ожидании объяснений. Она им все объяснила. В воздухе повисло гробовое молчание. Первый нарушил тишину Семен Петрович.

– Галина, я думаю, надо ехать. Так будет для тебя безопасней и нам с матерью спокойней. Езжай, дочка. Вечером все обсудим в более спокойной обстановке.

– Хорошо, – сказала Галина. – Эрих, подожди меня на улице. Я быстро переоденусь.

Солдат вышел. Вера Михайловна заплакала и бросилась на грудь Семену Петровичу.

– Семен, как же это? Может, ей лучше в лес, чем в самый улей к фашистам? А там бы как-нибудь продержались.

– Вера, я тебе не говорил, но семью Вороновых вчера расстреляли ночью при попытке уйти из города. Не пожалели даже детей. Так что лучше ей сейчас выполнить приказ, а там видно будет. Успокойся.

– Так хоть бы никто не обидел ее, Семен! Она ведь ребенок еще.

– Вера, наша дочь им понадобилась как переводчик. Значит, не обидят.

Галина вышла в скромном коричневом платье, накинула легкую кофточку, поцеловала родителей и выпорхнула из дома.

Эрих ждал в машине. Всю дорогу до дома подруги Галина ни разу ему не ответила на заданные вопросы. Надула губы и смотрела только вперед. Когда они подъехали к дому, Эрих не выдержал, повернул ее к себе и на все попытки вырвать руку не обращал внимания.

– Галя, пойми! Так будет лучше. Ты не знаешь, в каких условиях работают русские в Германии, ты не знаешь, какой адский труд они выполняют! Я сам видел, я знаю, что говорю! Галя, здесь ты будешь в большей безопасности, поверь! – Эрих уже просто кричал и тряс ее, чтобы она наконец-то его услышала.

– Подумаешь! Откуда такая забота?

– Да нравишься ты мне! – крикнул Эрих.

Галина некоторое время смотрела ему в глаза, потом со злостью хлопнула дверью автомобиля и побежала в дом.

Райнер, услышав шум машины, встал и уже готов был ехать в комендатуру. Увидев возбужденную Галю, он поздоровался, дал ей новые документы, еще раз сообщил, что она его личный переводчик, и предложил выйти из дома. Спокойный тон Райнера заставил Галю молча покинуть дом. Девушки даже не успели пообщаться.

По дороге Райнер объяснил Галине ее обязанности и успокоил ее тем, что она полностью под его защитой.

Садовников стоял перед дверью квартиры Горячевых и не знал, с чего начать разговор с Марией Прохоровной. Он неуверенно постучал. Дверь открыла Зина.

– Зина, мама дома? – с тревогой спросил Алексей Иванович

– Да, проходите. Она себя неважно чувствует.

Мужчина вошел в дверь и прошел в комнату за Зиной. Мария Прохоровна сидела в кресле, завернувшись в плед, несмотря на теплый летний день. При виде директора электро-механического завода Петрова оживилась.

– Алексей Иванович, что-нибудь о Боре пришли сказать?

– Мария Прохоровна, вы только не волнуйтесь! Борис Моисеевич – он еще в комендатуре. Я думаю, его скоро выпустят, – хотя он думал почему-то совсем обратное. – Меня вот выпустили.

Алексей Иванович подробно рассказал все о том, как их взяли на заводе, как предложили сотрудничать и что они решили, чтобы покинуть стены комендатуры.

– Остается только ждать, Мария Прохоровна. Завтра мне приказано туда явиться на работу. Я постараюсь все узнать и обязательно к вам зайду.

– Очень надеюсь на вас, Алексей Иванович. Зиночка, проводи, пожалуйста, Алексея Ивановича!

Зина проводила гостя и вернулась в комнату.

– Мам, я схожу к Тасе. Два дня ничего не знаю о девчонках. Мы договорились встретиться, а мне все никак не выбраться.

– Хорошо, Зин. Только до семи чтоб была дома. Комендантский час ведь. Не заставляй меня волноваться, – тихо произнесла женщина, понимая, что не удержит дочь больше дома.

– Хорошо, мамуль! Не заставлю! – крикнула Зина, выбегая из дома.

На улицах города было шумно. Проезжали машины с немецкими солдатами. Группы немцев сустились возле зданий. Сбивали таблички, прибывали другие. Мужчины в черной форме, с повязками на рукаве, с надписью «полиция», развешивали по столбам объявления. Зина благополучно дошла до Таси и вошла в дом.

Подруга сидела за столом и рассматривала какие-то документы. При виде Зины Тася вскочила, побежала навстречу, и они еще некоторое время молча обнимались возле дверей.

Потом за чашкой чая Тася рассказала подруге о последних событиях своей жизни. Также сказала, что Галя забрали работать переводчицей в комендатуру.

– Может, Галка что-нибудь сможет узнать про отца? Как думаешь, Тась? – спросила Зина подругу.

– Зиночка, я обязательно вечером постараюсь узнать все о твоём отце. Если Галя не узнает, то спрошу господина офицера.

– Так он тебе и сказал. Он же немец!

– Зин, он меня спас. Ведет себя культурно. Взял к себе домработницей. Даже сделал документы. Страшно подумать, что бы со мной было, если бы не он.

– Ну-ну, Тась! Не грусти. Наверное, и среди них люди есть.

Девушки проболтали до вечера.

– Тася, я завтра к тебе приду после обеда. Может, конечно, и Алексей Иванович что узнает. Он обещал зайти. Ну, я пойду, а то мама будет волноваться.

– Да, Зиночка! Я Гале скажу, она-то точно узнает!

Райнер с Галиной шли по коридору в его кабинет. В приемной офицер представил Эльзе девушку как переводчицу и попросил две чашки чая. Также распорядился, чтобы для Гали принесли отдельный стол. Пока солдаты оборудовали ее рабочее место, они выпили чаю и вроде бы как атмосфера недоверия между ними немного исчезла. Райнер взгромоздил перед девушкой кучу приказов на немецком языке и попросил все это переоформить, только на русском языке, занявшись тоже какой-то бумажной работой.

– Господин Нортемберг, к вам обер-лейтенант Херман, – сообщила Эльза.

– Да, пусть войдет.

– Входите, обер-лейтенант.

– Райнер, приветствую! А это кто? – спросил Херман, войдя в кабинет.

– Это госпожа Петрова – переводчик. Будет работать непосредственно при мне.

– Я бы тоже не прочь поработать с таким переводчиком, – сказал офицер, громко засмеявшись.

Галина поежилась от его слов и смеха, но сделала вид, что занимается работой и ничего не слышит.

– Давайте ближе к делу, Херман! Что у вас?

– Так, посмотри, вот образцы листовок из типографии. Что скажешь?

Райнер взял в руки листовки. На первой был изображен улыбающийся немецкий солдат с маленькой девочкой на руках и надпись: «Русский народ будет освобожден немецким солда-

том! Вперед за будущим в Германию!», на втором были изображены счастливые молодые люди и призыв ехать на работу в Германию.

– Думаю, Кенинг это оценит. Можете печатать.

– Тебе понравилось? Мне тоже! Что касается швейной фабрики. Со слов работниц, успели вывезти около трехсот швейных машин. Столько же и осталось. Через недельку подвезут материал, и можно будет шить форму доблестным солдатам Вермахта.

– Ганс, значит, триста женщин останутся без работы?

– Да, Райнер.

– В таком случае, Ганс, всех молодых женщин, оставшихся без работы, готовь к отправке в Германию. Кто постарше, пока будут работать здесь. Подготовь списки и проведи агитационную работу. Завтра к тебе в помощь приставят бывшего директора завода. Будь к нему внимательней. Он пользуется авторитетом у людей. А наша задача проверить правдивость его слов и истинное желание в оказании помощи нашему фюреру.

Галка слушала, и от этих разговоров внутри у нее холодело. Алексей Иванович будет работать на немцев? Она отложила в сторону отработанный приказ и взяла в руки следующий. Буквально через несколько секунд Галя почувствовала, как на голове зашевелились волосы. Она несколько раз перечитала очередной приказ в надежде, что что-то недопонимает. Но ошибки не было. Арестовать семью коммуниста Горячева Бориса Моисеевича и поместить в тюрьму при комендатуре до выяснения намерения этих личностей. Галя взяла этот приказ и положила в самый конец стопки бумаг. Что же делать? Как предупредить Зину? Все оставшееся время она продумывала все варианты, как спасти семью Горячевых.

– Галя, вы себя плохо чувствуете? – спросил Райнер, глядя на побледневшее лицо девушки.

– Да, что-то нехорошо. Наверное, с непривычки.

– В таком случае отправляйтесь домой. Я прикажу Эриху вас отвезти.

– Но я еще не закончила.

– Покажите, – сказал Райнер и направился к ней.

– Сейчас, – ответила Галя и переложила приказ об аресте Горячевых наверх.

Райнер просмотрел бумаги.

– С этим приказом не стоит затягивать, – положил он перед Галей приказ на арест семьи Зины.

– А почему их арестовывают? – спросила Галя.

– На них был донос. Это семья очень активного коммуниста. Он сейчас находится здесь. Семью приказали арестовать тоже.

– А когда их арестуют?

– Думаю, на днях, скорей всего послезавтра. Завтра вечером вернется полковник и сам лично займется участью этой семьи.

– И что с ними будет?

– Расстреляют, в лучшем случае отправят в лагерь для политических. Ну, так что, вы в состоянии еще продолжать работу?

– Простите, господин офицер, боюсь, что нет. Очень болит голова.

Райнер подошел к окну и подал знак Эриху подняться наверх.

– Эрих, отвезите Галину домой. На обратном пути заскочите к Таисии и попросите ее приготовить на ужин курицу. Галя, где можно купить курицу? – спросил Райнер.

– Не волнуйтесь, господин офицер, я подскажу, – ответила Галя, лихорадочно соображая, как помочь Горячевым.

Эрих с Галиной вышли из комендатуры, сели в машину и поехали.

– Галя, как вам работа? Не злитесь на меня, я ведь вам только желаю добра.

Галя наконец-то обратила на него внимание, пристально посмотрела, и план спасения Горячевых пришел ей в голову сам по себе.

– Эрих, остановите, пожалуйста, машину возле того дома. Я спрошу по поводу курицы, – попросила девушка, указывая на дом Зины.

– Как скажете, фройлен!

Галя игриво посмотрела на него и побежала к дому. Эрих был несказанно рад перемене настроения Галины и начал насвистывать веселую песенку в ожидании этой русской девушки, к которой его тянуло, словно магнитом.

– Зина, привет, где мама? – спросила Галя просто, влетая в комнату.

– Дома. Галь, а что случилось?

– Здравствуйте, Мария Прохоровна! У меня мало времени. Меня взяли работать переводчиком в комендатуру. Борис Моисеевич в тюрьме. Вас, Сашку и Зину послезавтра арестуют. Вам надо бежать! У меня, кажется, есть план, и я думаю, он сработает. Будьте готовы сегодня вечером.

– Галечка, дорогая, куда бежать? Я не могу без Бори.

– А как же Зина и Сашка? Вас расстреляют как семью коммуниста! Борис Моисеевич в тюрьме! Его не вытащить!

– А что в лесу? Что мы там будем делать?

– Главное сбежать, а там придумаем. Сашка, быстро сбегай к Алексею Ивановичу, позови сюда. Зин, где курицу взять?

– Галь, а курица-то зачем? – спросила Зина подругу.

– Да я фрицу сказала, что за курицей пошла. Ладно, сейчас приду, а то еще подумает чего, панику поднимет.

Галка убежала. Она натянула улыбку и подошла к Эриху.

– Галя, вы деньги не взяли на курицу.

– Давай. Эрих, только надо немного подождать, пока принесут.

– Хорошо, – сказал солдат и протянул деньги.

Галя вернулась. Вскоре прибежал Алексей Иванович.

– Галя, Сашка мне тут наговорил невесть что. Говори, что с Борисом?

– Алексей Иванович, я работаю переводчиком. Я знаю, что вы тоже будете работать у немцев.

– Не бойся! Говори! Я у немцев буду работать, а не на немцев. Выкладывай!

– Послезавтра арестуют всю семью Горячевых. Расстреляют или в лучшем случае сошлют в лагерь для политических военнопленных.

– Так. Мария Прохоровна, завтра вечером вы с детьми уйдете из города. Я придумаю как.

– Без Бори я не пойду, – упрямо твердила женщина.

Зина с Сашкой тоже без отца не хотели уходить.

– Алексей Иванович, вам надо быть аккуратней. Навряд ли вы что-то сделаете. Вас будут контролировать, так как вы будете заниматься вербовкой нашей молодежи в Германию, а доверия пока к вам нет никакого. Будут проверять.

– Чем?

– Уговаривать молодежь в добровольном порядке ехать в Германию и обещать им золотые горы.

– Мать твою! – в сердцах выругался Садовников.

– Галка, а у тебя какой план? – спросила Зина.

– Зиночка, об этом я вам расскажу завтра. Надо убедиться.

– Галя, ты не обратила внимания на охрану комендатуры? – спросил Алексей Иванович.

– Да. Двое на входе стоят. Днем патруль часто видела немецкий. А-а-а, и в приказе видела, что полицаи в вечернее и ночное время суток обязаны патрулировать город. Их пока немного. Сегодня моему начальнику принесли досье еще на троих мужчин.

– Так, получается, и внутри один или двое будут, – задумался Садовников.

– Что вы задумали, Алексей Иванович? – спросила Галя.

– Попробую Борьку завтра вытащить.

Услышав, что речь идет об освобождении мужа, Мария Прохоровна встрепенулась.

– А ты, Мария, смотри! Возьми себя в руки! Если Бориса не вытащим, то уйдешь с детьми. И никаких возражений!

– Так, Галя, когда ты убедишься в своем плане? – спросил Садовников.

– Завтра утром.

– Давай условимся. Я приду завтра в комендатуру, и ты дашь мне знать, что план работает. В обед попробуем поговорить. Освобождение Бориса я планирую на час ночи, чтобы время было уйти подальше в лес. Мы не знаем, как скоро их начнут искать.

– Зина, если я не появлюсь завтра до половины шестого вечера, отправь Сашу к Таисии. Он сообщит вам о ваших действиях. Зин, продукты и вещи только самые необходимые. Там условимся, и мы с Тасей принесем все что надо. Все, мне надо бежать. До свидания. Все будет хорошо. Держитесь! Алексей Иванович, до завтра!

Галина убежала.

– Мария Прохоровна, соберитесь! Вы же сильная женщина. Я постараюсь все устроить. Зина, Саша, вся ответственность на вас, ребята.

Садовников тоже ушел и направился напрямиком к председателю комсомольской организации Аркадию Полевому. Похоронки на отца и старшего брата пришли еще в 41-м году. Поэтому Аркадию было за что ненавидеть немцев. И Алексей Иванович в нем не ошибся. Аркадий оказался горячим молодым человеком. Он буквально в два счета решил, как освободить Горячева. Нашел надежных молодых комсомольцев, спортсменов. Использовать решили только холодное оружие и руки, чтобы не наделать шума. Дело оставалось только за Галкой.

– Эрих, представляете, нельзя положиться на людей! Как за смертью посылать! Так, сейчас едем в сторону дома Таси, там повернем направо, и на самой окраине живет бабка Глафира. У нее точно есть куры.

Эрих рассмеялся виду возмущенной Гали и быстро подчинился ее команде.

– Эрих, а я действительно тебе нравлюсь? – спросила Галка и кокетливо на него посмотрела.

– Да, Галя, очень!

– Ты мне тоже!

Эрих улыбался.

– Эрих, а что вы готовы ради меня сделать? – не унималась Галя.

– Все что угодно! Только звезды с неба, к сожалению, не достану!

– Все, Эрих, приехали. Вот тот дом. Эрих, если это правда, то поцелуйте меня.

Молодой человек не ожидал такого поворота событий и немного смутился. Галя смотрела ему прямо в глаза. Такая красивая, такая манящая. Он слышал про связь немецких солдат с русскими женщинами. К таким солдатам применялись даже репрессивные меры, но никак не думал, что это коснется и его. Эрих нежно, со страхом коснулся губ своей феи. Галя ответила на этот поцелуй. Это был первый ее поцелуй и, как ни странно, очень приятный. Эрих обнял ее, она ответила взаимностью, и минут пять они сидели в полной тишине, наслаждаясь объятиями друг друга. Эту идиллию разрушила бабка Глафира, когда вышла откуда-то из-за сараев и направилась в дом.

Молодые люди вспомнили, зачем приехали, вышли из машины и, выторговав у Глафиры курицу, поехали к Таисии.

Галка вошла в дом с курицей в руках и объяснила, что это надо приготовить на ужин господину офицеру. Так как уже вечерело, она осталась помочь подруге. Написала записку родителям, чтобы не беспокоились, и попросила отвезти ее Эриха, когда тот поедет за Райнером.

Когда немец уехал, Галя рассказала все Тасе про свою работу, про Горячевых, про Садовникова, про то, как живет наша молодежь в Германии.

– Галя, какой план ты придумала, как Горячевых из города вывезти?

– Я попрошу об этом Эриха.

– Кого? Ты что, с ума выжила? Он же сдаст и их, и тебя за пособничество! Галь, нет! Должен быть другой выход!

– Так скажи, если такая умная! Все гражданское население не выпускается без документов. Документы только начинают делать. Я к этому не имею никакого отношения. Выход один. Немецкие машины не досматриваются. Я нравлюсь Эриху. Думаю, он согласится.

– Галь, ты что, спутаешься с немцем?

– Да, Тася, спутаюсь. Лучше спутаюсь, но совесть моя будет чиста, что я знала про угрозу для своей подруги и попыталась что-то сделать. Ты – домработница, я переводчица. Мы будем жить спокойно. А Зинку через день расстреляют.

– Хорошо, а как он возьмет машину у офицера?

– Придумаем. Вот ты его и отвлекешь!

– Кого отвлеку?

– Кого-кого! Райнера! Ты ему нравишься. И не делай вид, что не замечаешь. Не просто так он спас тебя, меня взял на работу, документы нам сделал. Все ради тебя. Просто порядочный немец. Между прочим, потомок старинного рода. Все, Тася, Зину надо спасти. Иначе как жить с этим?

Когда подъехала машина, девушки уже закончили с ужином. Райнер с Эрихом вошли в дом. Очень вкусно пахло. На столе лежали свежие овощи, хлеб. Тася как раз ставила ароматный горшочек с курицей.

Райнер пригласил всех к столу. Галя рассказывала, что ей понравилось работать при комендатуре. Они с Райнером деловито уже обсудили некоторые рабочие вопросы. Эрих не сводил глаз с Галины. Поцелуй в машине его просто свел с ума. А Галина еще так играла глазами, что он не мог дождаться, когда Райнер прикажет ее отвезти домой.

– Эрих, отвезите Галину домой! Доброй ночи, фройлен. Завтра в 8.00 водитель за вами заедет.

Молодые люди ушли. Тася убрала со стола и пошла в свою комнату. Райнер сел писать письмо родителям. С письмом ничего не получалось, и он решил пригласить Тасю выпить с ним чаю. Он постучал к ней в комнату.

– Входите, господин офицер.

– Таисия, а что это вы читаете?

Таисия показала ему русско-немецкий справочник и попыталась объяснить, что хочет немного лучше узнать немецкий язык.

– Хотите, я вам буду помогать? А вы мне поможете с русским языком. Идет? Только сначала выпьем чаю?

Таисия поняла, о чем речь, встала и направилась к столу.

Райнер угостил ее шоколадом. Так они и начали учить русский и немецкий языки: с чашки чая и шоколада. Таисия не заметила, как пролетели несколько часов, и поймала себя на мысли, что они вот так сидят, смеются, шутят, как закадычные друзья. Она чувствовала, что ему нравится, между ними воцарилась атмосфера доверия и спокойствия. Спать они разошлись далеко за полночь, испытывая чувство облегчения, что как-то нашли общий язык.

– Эрих я хочу с тобой поговорить, – сказала Галя. – Останови где-нибудь машину.

Эрих уже представил, как поцелует ее сладкие, озорные губы. Галка собралась и готовилась высказать немцу свою просьбу. Она не думала, что это будет так тяжело. Эрих остановил машину и взял ее за руку.

– Эрих, ты сказал, что готов ради меня на все. Так?

– Так, Галя!

– Мои друзья в беде. Им не сможет помочь никто, кроме меня.

Галя рассказала ситуацию и даже выпалила план вывоза семьи Горячевых за город. Эрих слушал ее молча. Не перебивал.

– Эрих, сможешь?

– Галя, ответь мне честно, ты поцеловала меня, только чтобы я тебе помог? Посмотри в глаза и скажи честно.

– Эрих, нет. Ты мне действительно нравишься. Просто так получилось, что им никто не поможет, кроме нас. Они очень хорошие люди!

– Я действительно тебе нравлюсь?

– Эрих, да. Очень. И твой поцелуй до сих пор греет мои губы.

– Тогда поцелуй меня еще, Галя, – почти шепотом сказал молодой человек.

Девушка медленно обвила шею солдата руками и нежно поцеловала. Он поверил в этот поцелуй и поверил ей.

– Галя, ты мне очень, очень нравишься. Мне нравится все, что ты говоришь, все, что ты делаешь. Я помогу тебе. Но это будет первый и последний раз. Я все-таки солдат Германии и давал присягу. Идет война. Но, к сожалению, я не в силах спасти всех русских ради тебя. Ты должна это понимать. И еще, за город через пост я их не повезу. На следующий день в комендатуре будут искать виновных. Я не могу светить машину господина Нортемберга. Я не хочу, чтобы хоть капля подозрения упала на него. Ты и твоя подруга находитесь под его защитой. Завтра я пораньше за тобой заеду. Покажу место, где я хоронил бабушку Таисии. Это недалеко от поста. Там за полянкой лес. Ты местная, наверняка знаешь, можно ли оттуда уйти подальше от города. Если все-таки нет, то выход один: спрячем их на чердаке у Таисии. Там достаточно места. А уже дальше будет видно. Этот дом точно не будут обыскивать. Если начнется заваруха, то Нортемберг оставит меня дома в целях защиты Таисии. Я думаю, что майор потерял голову от твоей подруги.

– А ты, Эрих?

– А я и разум, и сердце. Все, Галя, иди. Завтра будь готова пораньше.

– Эрих, я тебе очень благодарна. Я все понимаю. Никто ни в чем не виноват. Я больше не обращаюсь к тебе с подобными просьбами. Обещаю.

С этими словами Галка прижалась к немцу, потом шепнула ему что-то на ухо и выскочила из машины. Немец еще немного постоял у подъезда и уехал.

Когда Галя вошла домой, мать вся в слезах бросилась к ней на шею.

– Галечка, девочка моя, с тобой все в порядке? Что так поздно? Мы с папой все испереживались. Они тебя не обижали?

Семен Петрович стоял в дверях и молча наблюдал за дочерью. Ему показалось, что за этот день она повзрослела лет на пять.

– Мамуль, все нормально. Просто много работы. Со временем найдут еще переводчиков, и буду пораньше приходить. Никто меня не обижает. Завтра даже паек дадут, так что все будет хорошо.

– Пойдем, покушаешь, моя дорогая. Мы с папой так ждали тебя. Все думали, уж не случилось ли чего. А что, тебя на работу отвозить и привозить будут?

– Пока да. Мамуль, есть не хочу. Очень устала. Мне бы поспать. Завтра очень рано вставать. Мам, немцы порядок любят, опаздывать нельзя.

– Ну, как же ж это? Голодная. Семен, скажи ей хоть ты.

– Верочка, иди спать, а я попробую уговорить ее, хорошо? – ласково сказал Семен Петрович и поцеловал жену. – Иди ложись, я скоро.

Мужчина последовал за дочерью на кухню. В ее глазах он прочитал, что она хочет сказать ему что-то важное.

– Галчонок, у тебя все хорошо?

– Пап, за этот день столько произошло. Не знаю, с чего и начать.

– Говори как есть, дочка.

– Я думаю, что на моем месте ты поступил бы так же. Только маме не надо говорить. Я не хочу ее расстраивать.

Галя рассказала отцу почти все, кроме своих отношений с Эрихом.

– Галя, ты уверена, что этот немец тебе действительно поможет, а не сдаст своим?

– Да, пап, уверена, – сказала Галя, и легкий румянец покрыл ее щеки.

Семен Петрович вопросительно на нее смотрел.

– Я ему нравлюсь, пап, – сказала Галя и опустила голову. – Только ты не подумай плохо! – с искренней горячностью сказала девушка.

– Дочь, я всегда тебе доверял. Думаю, что на твоём месте я поступил бы так же. Галечка, а он? Он тебе нравится?

– Да, пап. Он не такой, как все немцы. Спасибо, что выслушал.

– Спи, дорогая, у тебя завтра много дел. Галя, если нужна будет помощь с моей стороны, я готов помочь, – сказал отец и пошел спать.

Семен Петрович так и не уснул. Он встретил рассвет с мыслями о неизвестности и о своей повзрослевшей дочери.

Эрих заехал пораньше, как договаривались. Галка была еще совсем сонной, когда села в машину. Для него она была похожа на очаровательную не выспавшуюся фею. Немец привез ее на опушку. Галя хорошо знала это место.

– Эрих, там дальше совсем немного леса, потом где-то с километр открытое поле, слева речка, а справа дорога и пост. Есть редкий кустарник, который разделяет поле и уходит уже в лес. Там небольшой лесок. Мы туда за грибами ходили с девчонками, через него как раз Горячевы пройдут пост, перейдут дорогу и уже смогут уйти дальше к болотам. Думаю, немцы туда далеко не пойдут. Это вариант.

– За леском, говоришь, поле? Будем надеяться, что оно не заминировано. Я пока не видел активного движения минеров в этом районе. Был приказ заминировать открытые подходы к городу. Галя, сейчас зайдем в дом, скажи Таисии, чтобы вечером в чай подмешала господину Нортенбергу снотворного. Я тебе передам, оно безопасно. Он не должен заметить отсутствия машины. Все, Галя, поехали.

До дома ехали молча. Каждый думал о предстоящем деле. Эрих даже несколько раз ругнулся про себя, что согласился на это предательство, но при взгляде на Галину все сомнения исчезали.

– С добрым утром, господин офицер! – поздоровалась Галя, входя в дом.

– С добрым, добрым, Галя! Готовы работать?

– Да, это для меня хорошая практика. Возможно, после войны я стану переводчиком!

– Все может быть, все может быть, Галя.

Услышав голос подруги, Тася вышла из своей комнаты.

– Привет, Галь! Выспалась?

– Да, Тасенька! – сказала Галя и обняла подругу.

Обнимая Тасю, Галя сообщила ей, что Эрих им поможет, что она должна выполнить его просьбу о снотворном, и если придет Сашка, то сказать, чтобы к двенадцати ночи они были готовы.

– Ну, что, Галина, поехали. У нас сегодня много работы.

«Не знаю, как у вас, но у меня действительно много», – про себя подумала Галя и вышла из дома следом за Нортембергом.

В комендатуру они приехали одни из первых. Через час Эльза сообщила, что пришел Садовников. Нортемберг приказал ей отыскать обер-лейтенанта Хермана и пригласить его в кабинет вместе с русским. Тем временем Галя написала записку, что машина будет в час ночи на углу комендатуры, что все в силе. Сложила ее, и теперь в подходящий момент надо было передать ее Алексею Ивановичу.

Через минут двадцать в кабинет вошли Садовников и Херман. Райнер представил муж-чин друг другу. Галя начала переводить все, что говорил офицер.

– Господин Садовников, немецкое командование доверяет вам должность представителя министерства пропаганды среди молодежи. Вам надо будет проводить агитацию среди молодежи на добровольную запись на работу в Германию. Добровольно записавшимся вы будете обещать от лица Великой Германии заботиться об их оставшихся здесь семьях. С сентября их семьям будут выдаваться пенсия и талоны на получение молока. Рабочим, уехавшим в Германию, будет обеспечено питание по существующим в Германии нормам, отдельные комнаты, медицинское и культурное обслуживание. В типографии города будут печататься газеты, в которых будут опубликованы письма рабочих, уже работающих в Германии, где они пишут о хороших условиях работы и призывают следовать их примеру. Вы будете объяснять им, что у них будет возможность переписки с родными. У вас есть в городе кинотеатр, господин Садовников?

– Да, господин офицер.

– В обязательном порядке два раза в неделю молодежь от 13 до 18 лет должна быть на просмотре фильмов о работе русских рабочих в Германии. После просмотра вы будете вести агитацию на добровольную запись в Германию. Вам суть понятна? Вот ваши новые документы, и ознакомьтесь подробнее с приказом о ваших обязанностях! Вам надлежит вести отчет о проделанной работе, в том числе составлять списки согласившихся, отказавшихся и сомневающих. И особенно недовольных. Читайте и подписывайте.

Райнер продолжил разговор с Херманом. Галя их не слушала, она всячески подавала знаки Садовникову, что план по вывозу семьи Горячевых в силе.

– Господин офицер, не очень разборчиво написано, не пойму, – спросил Алексей Иванович, показывая Райнеру на строчку.

– Галя, что он хочет? Он, видимо, что-то не разобрал?

– Да, почему-то не разобрал мой почерк. Я подскажу ему?

– Конечно, – сказал Райнер и продолжил разговор с обер-лейтенантом.

Галка подошла к Алексею Ивановичу и незаметно передала ему записку. Он еще немного посмотрел приказ и, подписав, отдал Нортембергу.

– Поздравляю, господин Садовников! Свою работу вы начнете со швейной фабрики под руководством обер-лейтенанта Хермана. Желаю удачи, господа!

Херман и Садовников направились на фабрику, где их уже ждали работницы. Отобрали примерно 300 человек молодых женщин, и Садовников начал проводить агитационную работу. Женщины смотрели на него немного недоуменно, но при этом молчали. Почти напротив каждой фамилии Садовников ставил букву «С» – сомневающиеся. Добровольно записались сразу человек 15. Практически это были старшие дети из многодетных семей, которые надеялись, что

немцы действительно окажут поддержку их родственникам. Садовников агитировал людей, а сам чувствовал себя как в тумане. В толпе глазами он выцепил молодую женщину. Он хорошо знал ее мужа, который пару месяцев назад погиб на фронте. «Напишу записку и отдам ей, чтобы предупредила женщин, что все, что я несу, – полный бред, чтобы не верили в обещания немцев», – подумал про себя Садовников. Херман все чаще смотрел на часы. Алексей Иванович понял, что фашист уже подумывает об обеде. Кое-как объяснившись, мужчины договорились встретиться через час.

Садовников тут же поспешил к Полевому обсудить еще раз план действий. Аркадий уже ждал его с ребятами. Договорились встретиться в подвале дома по соседству с комендатурой. Уже сбили замок и даже успели проследить, через какое время примерно патрулируют немцы возле комендатуры. Ребята просчитали, что на освобождение пленника у них было максимум полчаса. Сбор назначили к одиннадцати вечера, чтобы еще раз все обсудить.

– Аркаша, скорей всего я уйду с Горячевыми. Не по мне своих же земляков отправлять на фашистскую каторгу. Сейчас записочку напишу надежному человеку, чтобы не соглашались женщины на добровольную поездку, чтоб не верили проклятой немчуре.

– А это идея, Алексей Иванович, нам тоже надо проводить агитацию против немцев, надо доказать людям, что немцы все врут. У меня знакомый в типографии работает, друг брата. На фронт не взяли по здоровью. Я с ним встречу, сегодня же, может, чем поможет. А вы, Алексей Иванович, подумайте, может, останетесь? Будем с немцами здесь воевать.

– Боюсь, не смогу я смотреть людям в глаза. Не смогу, Аркадий. Аркаш, а к тебе будет еще одно дело. Надо, чтобы пара твоих ребят попала в полицию. Там нужны свои люди. Сам не ходи, могут не поверить. Подумай, кому доверяешь. Галка Петрова при немецком штабе работает. Всю важную информацию будет передавать тебе. Шустрая девчонка, скажу тебе. Мы уйдем через южную сторону города. Придется делать круг, но выхода нет. Уйдем к болотам. Через неделю условимся встретиться. Давай у мельницы, что на окраине деревни Осиновка. Там лесок за мельницей хороший такой. Вот там я и буду ждать от тебя новостей. Все, Аркаш, время в обрез. До вечера.

Садовников помчался на фабрику. В спешке не успел зайти к Горячевым. Да и опасно, мало ли, следят, проверяют. Ну ладно, Сашка сбегает к Тасе Зорькиной, там его обрадуют.

Галка целый день провела как на иголках. После обеда в приемной громкие голоса прервали работу Райнера и Гали. В их кабинет как ураган влетел Кенинг с Хофманном и Шнайдером. При взгляде на них создавалось впечатление, что они еще не совсем протрезвели.

– Райнер, приветствую вас! Как вы тут без меня? О-о-о-о-о!!! По-видимому, это новый переводчик? – громко сказал Кенинг, разглядывая Галину.

– Рад видеть вас, господин оберст. Да, это Галя Петрова – мой помощник. Господин Шнайдер, было бы замечательно, если бы вы проверили выборочно работу этой девушки. Мне надо убедиться в точности переводов.

– Нет проблем, Райнер. Давайте я сейчас и гляну.

Райнер передал ему несколько приказов, которые перевела Галя.

– Райнер, знаете, мы отлично провели время и сделали большую работу! – продолжал Кенинг. – Как нас встречали эти колхозники! У меня отличное настроение, и, Райнер, я напрашиваюсь к вам на ужин. Нам есть что обсудить! Фройлен, а вы не присоединитесь к нам сегодня вечером?

– К сожалению, у меня много работы, господин офицер! Да к тому же я немного приболела, – на отличном немецком, ответила Галя.

– Мне нравится ваш акцент, отлично, фройлен. Я думаю, что в другой раз вы не откажете нам?

– И хорошая работа, фройлен. Отличное знание языка. Вас ждет хорошее будущее в Германии, – сказал Шнайдер, пробежав глазами по бумагам.

Райнеру совсем не хотелось ужинать ни с Кенингом, ни с кем другим, но интуиция подсказывала, что лучше ему не отказывать. Он не любил эти ужины, так как за время общения с оберстом уже знал весь их сценарий.

– Хорошо, господин Кенинг. Ужинаем у меня. Заодно расскажите о своей удачной поездке.

Офицеры вышли из комнаты. Райнер подошел к окну и дал сигнал Эриху подняться в кабинет.

– Эрих, срочно едите домой. Пусть Тася приготовит что-нибудь на ужин и поднимается на чердак. Так будет лучше. Выполняйте!

Эрих встретился взглядом с Галиной. Придуманый ими план был в опасности.

– Господин офицер, может, мне поехать помочь Тасе? Судя по настроению офицеров, они долго здесь не задержатся.

– Да, Галина, вы, пожалуй, правы. Поезжайте. А вы, Майер, сразу возвращайтесь назад.

– Галя, может, не стоит рисковать? – сказал Эрих, как только Галя села в машину.

– Эрих, о чем ты? Завтра их, может, расстреляют! Знаешь, отец меня учил находить выход из любой ситуации. И никакого риска здесь нет. Наоборот! Снотворное попробуют все офицеры! И даже капли подозрений не ляжет ни на тебя, ни на твоего Нортемберга!

– Ой, Галя! Что ты со мной делаешь? – уже веселее сказал Эрих.

Галка поцеловала его в щеку, и домой они зашли уже без капли сомнения в удачном исходе предстоящей операции.

Снотворное решили подмешать в морс из ягод. Тогда наверняка все испробуют этот эликсир. Эрих уехал. Девушки принялись за ужин. Через некоторое время к ним пришла Зина.

– Зин, ты чего пришла? Сашку бы послала. Зачем лишние подозрения?

– Девочки, мама места себе не находит. Да и я тоже. Сашка с ребятами где-то. Пока не вернулся.

– Зин, все хорошо. Дядю Борю освободят. А вы будьте готовы к двенадцати ночи. Машина подъедет не к самому подъезду, чтоб люди с окон не видели, чуть поодаль. Сашка пусть в подъезде караулит. В дорогу только самое необходимое. Вам идти придется в обход до болот долго, да к тому же и в темноте.

– Все, девочки, тогда побегу маму обрадую, я сказала, только туда и обратно. Она вся на нервах.

– Беги, Зин. А то у нашего офицера сегодня гости. Надо приготовить быстрее да тоже убратся от греха подальше.

Зина побежала домой. Она шла по улице такая довольная и счастливая, что невольно привлекла внимание троих немецких солдат.

– Фройлен, фройлен, не составите ли вы нам компанию, – кричали ей, по-видимому, выпившие солдаты.

Зина, с опаской оглядываясь, ускорила шаг. Немцы не унимались. Они в два счета догнали девушку и стали ей предлагать выпить с ними. Зина отказывалась. Она видела, как из соседних домов выглядывали люди и задергивали шторы. Помощи ждать было неоткуда. Немцы теснили Зину ближе к сараям, где хранились дрова. Они действительно были навеселе. Один из них начал обнимать девушку. Зина закричала. Один из немцев закрыл ей рукой рот. Второй сбил замок на сарае. Фашисты затащили девушку вовнутрь. Они словно обезумели. Один из фашистов достал шнапс и стал заливать Зине насильно в рот. Двое других ее держали. Потом в течение часа они насиловали девушку, пока она не перестала дышать. Убедившись, что она мертва, немцы, как ни в чем не бывало, покинули место совершившегося злодеяния.

– Мам, ну что, Петрова не приходила? – вбежал в квартиру запыхавшийся Сашка.

– Саша, голубчик, где ты ходишь. Зина не дождалась тебя и сама пошла к Тасе. Только вот что-то долго нет. Сказала, туда-обратно, а вот уж больше часа и нет. Заболталась, что ли, с Тасей?

– Мам, так я одной ногой здесь, другой там, – крикнул мальчик, хлопнув дверью.

Сашка за десять минут домчал до Таси. Осторожно подошел к двери, прислушался и постучал. Галка открыла дверь и уставилась на мальчишку.

– Тебя чего принесло? Что дома не сидится, лучше бы помог собраться матери.

– Я вообще-то за Зинкой прибежал. Мы ж не знаем, собираться или нет.

– А Зина ушла часа полтора-два назад. Так что давай иди. Сейчас сюда немцев наедет.

– Да нет ее. Я только из дома. Мама переживает же.

Девушки переглянулись.

– Странно, мы ее отправили домой собираться. Она не то что побежала, а полетела, когда мы сообщили, что дядю Борю освободят.

– Так, Тасенька, давай закругляйся и на чердак иди. А я с Сашкой пойду. У меня и документы имеются. Может, она кого по дороге встретила? Пойдем, Сашка.

Галка с Сашей пошли по сокращенному пути. Проходя мимо дровников, Галя увидела туфель возле одного из них. «Точно такие туфли были на Зине», – подумала про себя Галя, и сердце заняло от какого-то дурного предчувствия. Дверь в дровник была открыта и болталась туда-сюда под воздействием небольшого ветерка, нервируя своим скрипом. Сашка быстрым шагом шел впереди. Галка довела его почти до дома.

– Галь, что маме сказать? Где мне ее искать? – Санька как-то жалобно на нее посмотрел, чувствуя свою вину, что вовремя не явился домой.

– Саш, скажи маме, что Зина осталась у нас. Что так нужно, она присоединится к вам позже. Мы с Таськой ее обязательно найдем. Все, давай беги. Сашка, караул машину. Как только увидите, быстро садитесь назад. Ты на пол ложись, а маму на сиденье. Укроетесь и как мышки сидите. Позже дядю Борю заберем. Немца не бойтесь. Давай дуй, маму успокой!

– Галка, а Зинку точно найдете?

– Точно, точно, иди уже!

Галка, сломя голову, понеслась к дровникам. Навстречу ей попался немецкий патруль. Проверив документы, задерживать не стали. Галя подбежала к дровнику, взяв в руки туфель. С трясущимися руками она вошла в сарайчик. Она не могла поверить, что это ее подруга. Зина лежала вся в крови. Платье было все разорвано, губы распухшие, тело, лицо и грудь были все в синяках и кровоподтеках. Зина не подавала признаков жизни. Галка, сдерживая слезы, наклонилась, чтобы проверить пульс, который уже не прощупывался.

Девушка, что есть сил, бежала к дому Таисии, слезы душили ее. Возле дома Галя заметила машину. Эрих стоял рядом и нервно оглядывался по сторонам в ее ожидании. «Неужели он такой, как все немцы?» – подумала Галя. «А правильно ли я сделала, что доверила ему жизнь дорогих мне людей?» – стала мучиться вопросами Галя. Эрих заметил ее. Она стояла заплаканная и какая-то безучастная ко всему.

– Галя, ты где была? Что с тобой?

– Где я была? – в сердцах закричала Галка. – Пойдем, пойдем! Я покажу тебе, где я была!

Немец был в смятении. Она просто, как танк, тащила его за руку. Такая маленькая, худенькая, заплаканная и сильная. Она рывком открыла дровник.

– Вот! Вот где я была! Эрих, скажи, как это возможно? Это же бесчеловечно! Это моя подруга! Это как сестра, понимаешь?

Зрелище было очень мерзким. Эриху уже доводилось видеть женщин после насилия немецкими солдатами. Он не понимал этих мужчин. Он, как и Галя, не понимал смысла этих действий.

– Галя, дорогая, мне стыдно за деяния моих соотечественников. Галя, я противник насилия. Успокойся. Назад уже ничего не вернуть. Успокойся, родная!

Немец обнял девушку и сильно прижал к себе. Галя успокоилась.

– Эрих, ее надо похоронить, – тихо произнесла Галка.

– Галя, сегодня мы не сможем это сделать. Во-первых – время, во-вторых – ни к чему лишние подозрения. Тем более сейчас. Там полный дом офицеров. Я убедил Кенинга отпустить водителя и сам по первому зову отвезу его домой. Мне надо быть у дома, чтобы контролировать обстановку. Сейчас мы узнаем, чей это сарай. Закроем его, а завтра я похороню эту девушку рядом с бабушкой Таисии.

Галя с немцем пошли в дом. При виде фашиста, жители дома сразу же нашли хозяев сарая. Галя попросила их закрыть сарай до завтра. А завтра она обещала забрать тело.

Возвращались они молча.

– Галя, там с другой стороны дома тоже есть дверь на чердак. Я туда уже подставил лестницу. Давай обойдем дом и лезь по лестнице, а я через дверь. Заодно посмотрю, как там господа офицеры.

Он с легкостью перекинул Галю, как пушинку, через забор, а сам пошел через главный вход. Немцы уже изрядно выпили и горячо обсуждали поездку в сельскую местность.

– О, Райнер, колхозники нас встретили хорошо. Мы даже не ожидали. А когда я сказал им, что половину урожая отдам им, то я думал, что они меня расцелуют. В ближайший выходной отправим туда, как его? Этого русского Садовского. Пусть колхозники культурно просвещаются, смотрят правильные фильмы. Через неделю мы отправим немало молодых, здоровых рабочих рук в Германию. Все складывается хорошо. Через месяц-другой возьмем Сталинград, там Москва, и все, Райнер, вернемся в Германию! А может, Гитлер пожалует нам этот город в качестве подарка? – Кенинг громко рассмеялся и похлопал Райнера по плечу.

– Да, господин оберст, будем надеяться, что все это скоро закончится.

– Так, господа, мне уже хочется женского общества! Кстати, что там капитан Краузе? Он работает над открытием ресторана и борделя для немецких солдат и офицеров? Война войной, а женщин хочется всегда!

Остальные офицеры подхватили излюбленную тему про женщин, произносили тосты, но снотворное сделало свое дело, и к половине двенадцатого в доме все стихло. Эрих открыл дверь. Райнер спал на своей кровати. Кенинг и офицеры – сидя за столом. Солдат отнес Кенинга на кровать, а Шнайдера и Хофманна расположил на полу, подложив им под головы подушки.

Эрих погасил свет, вышел из дома. Девушки стояли на крыльце. Галка пока ничего не стала рассказывать подруге о Зине.

– Эрих, я поеду с тобой. Я хочу быть уверенной, что все будет хорошо. Тасенька, а ты лезь на чердак и жди. Будем смотреть по ситуации. Может, Горячевым придется спрятаться на время здесь на чердаке.

– Галечка, удачи вам. Думаю, что все будет хорошо?

– Галя, поехали, время поджидает, – сказал Эрих и сел за руль машины.

– Тась, мы скоро будем, не переживай.

Немец остановился, не доезжая немного дома Горячевых. Сашка уже давно караулил машину, поэтому спустя несколько минут Мария Прохоровна с сыном уже размещались на заднем сиденье автомобиля. Эрих тронулся в сторону комендатуры. Он заехал за здание и поставил машину в кустарнике, чтобы не привлекать внимание патруля.

Садовников с ребятами тоже заняли свои места. Как только очередной патруль прошел мимо комендатуры, ребята начали действовать. Они разделились на две команды и разошлись по разным углам здания. Садовников бросил из-за угла камень. Один из фрицев пошел проверить обстановку, второй вскинул на готово автомат и, наблюдая за ним, не услышал, как сзади его схватили и перерезали горло. Первый немец повернулся на шум, и его постигла та же участь. Все произошло в считанные секунды абсолютно бесшумно. Ребята подтащили тела к дверям комендатуры и постучались в дверь.

– Вульф, что у вас? – послышался голос из-за двери.

– Открой, мне надо в туалет, – ответил по-немецки один из ребят.

– Вульф, тебе улицы мало? – со смехом спросил немец за дверью и зашумел затвором.

Через несколько секунд немец уже лежал на полу.

– Где находятся пленные? Быстро веди нас и открывай дверь, – по-немецки продолжал Сергей Карпов, друг Аркадия Полевого.

Часовой поднялся и пошел по коридорам. По дороге он просил Сергея, чтобы ему оставили жизнь, у него в Германии двое детей, и еще что-то бормотал, но его никто не слушал. Он сам открыл дверь, за которой сидел Горячев.

– Алексей Иванович, Аркашка? Вы?

– Да, Боря, давай без лишних разговоров. Времени мало. Все потом.

– Алексей Иванович, что с этим? – спросил Аркадий, указывая на немца.

– Аркаш, идите, я сам с ним разберусь, – сказал Садовников.

Горячев и Аркадий пошли на выход, Садовников догнал их через минуту. Немца постигла участь соотечественников.

– Аркаш, спасибо за помощь! Ребята, вам тоже. Я ухожу с Борисом Моисеевичем. Автоматы мы берем с собой. Аркадий, через неделю, как условились, в Осиновке. Все, ребята, пока ляжьте на дно.

Группа мужчин вышла из комендатуры. Горячев и Садовников пошли к машине. Садовников залез в багажник, а Горячев на заднее сиденье к жене.

– Боря, родной, наконец-то!

Мария Прохоровна обняла мужа и тихо заплакала.

– Машенька, все позади! Не плачь! А где Зина? – спросил Горячев, оглядываясь.

– А Зина у Таси. Сейчас мы ее заберем, Борь.

– Эрих, что делать? – спросила Галя немца. – Если ей сейчас сказать, она никуда не пойдет и остальных может погубить.

– Скажи, что Зина поживет у Таси неделю, а там мы переправим ее в Осиновку. Скажи, что сейчас нет времени останавливаться. Патруль может обнаружить в любую минуту, что здание комендатуры открыто, и поднять тревогу. В случае тревоги мне надо быть на месте.

– Борис Моисеевич, немец говорит, что тревогу могут поднять в любой момент, поэтому Зина к вам присоединится через неделю. Не будем рисковать. У Таси в доме живет немецкий офицер, поэтому ее дом не будут обыскивать. Зина неделю поживет на чердаке.

– Хорошо, Галина! Ты молодец. Спасибо за то, что помогла мне и моей семье.

– На моем месте Зина поступила бы точно так же, – сказала Галка, еле сдерживая слезы.

Они подъехали к нужному месту. Беглецы вышли из машины и, быстро попрощавшись, направились в лес. Когда Галя прощалась с Садовниковым, она на ухо шепнула ему, что Зина через неделю к ним не присоединится. И сказать эту страшную весть Горячевым придется именно ему, Садовникову.

– Галя, спасибо тебе за все. Я все понял. Я им скажу, когда будем на месте. А ты храбрая и сильная девушка. И еще, держи связь с Аркашкой Полевым. Я думаю, что нам еще очень понадобится твоя помощь. Береги себя, девочка!

Эрих заметно нервничал. Он поторопил девушку.

– Галя, быстро садись! Я отвезу тебя домой.

Галка понимала его состояние. Она была очень благодарна ему за помощь. Всю дорогу до дома они молчали. Каждый думал о своем. Эрих думал о совершенном предательстве. Галка о Горячевых и Алексее Ивановиче, о том, как они дойдут до места и дойдут ли вообще. За этот день что Галка, что ее немецкий сообщник очень устали.

– Галя, я утром заеду за тобой. До свидания.

– Хорошо, Эрих. Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал, – сказала девушка и поцеловала немца.

Она пришла домой и упала на кровать без задних ног, успокоив отца тем, что все прошло гладко и Горячевы благополучно ушли в лес.

Эрих приехал в дом Таши, проверил сон офицеров. Немцы спали как убитые. Солдат залез на чердак. Тася не спала в ожидании вестей. Эрих успокоил ее, они разошлись по разным углам и легли спать.

Сон был не долгим. Через час солдат услышал сигнал тревоги по всему городу. Он спустился вниз. Немцы спали. Эрих начал их будить. Первым пришел в себя Райнер. Он очень мало выпил спиртного, поэтому побороть действие лекарства ему было легче, чем остальным.

– Райнер, что случилось? – в недоумении кричал Кенинг, когда тот его пытался разбудить. – О, господи, этот русский самогон! Черт его возьми!

Райнер и Эрих будили Шнайдера и Хофманна. Кое-как приведя себя в порядок, офицеры сели в машину, и Эрих помчал их к комендатуре. В городе было сумасшедшее движение. Немцы стягивались к комендатуре.

– Что там могло стрястись? – нервничал Кенинг.

Подъехав к зданию и войдя внутрь, Кенинг целенаправленно шел к группе столпившихся офицеров, а подойдя ближе, увидел двух немецких солдат в нижнем белье с перерезанным горлом. Там уже работали немецкие эксперты.

– Райнер, Хофманн! Через полчаса жду вас с отчетом об этом происшествии у себя! – рявкнул Кенинг и поднялся в свой кабинет.

Там уже была немного растрепанная Эльза, которая одна из первых прибежала в комендатуру.

– Эльза, крепкого чаю мне! И принесите что-нибудь от головы! – орал Альтман.

Кенинг был в бешенстве. Русские плюнули ему в лицо. «Как они могли! Как посмели! Убить немецких солдат прямо под носом! Что это? Вызов? Или, может, им что-то надо было здесь? Так, сейчас придет Райнер и все прояснит», – успокаивал себя Кенинг.

Райнер пришел вместе с Хофманном и Латышевым.

– Господин оберст, примерно четыре часа назад убиты трое солдат, – начал Райнер.

Кенинг, услышав, что жертв больше, вопросительно взглянул на офицеров и начал нервно постукивать ручкой по столу.

– Из них еще солдат, который охранял здание внутри. Солдаты зарезаны профессиональными охотничьими ножами. Исчез заключенный коммунист Горячев.

– Кто исчез? – вскочил Кенинг из-за стола. – Коммунист исчез? Райнер, чем вы тут занимались без меня? Он должен был исчезнуть вместе со своей семьей уже вчера. Или вы хотите, чтобы эти коммунисты начали размножаться в городе, как тараканы?

– Господин оберст, вы сами приказали оставить его до вашего приезда, – спокойно ответил Райнер.

– Я надеюсь, что его семья здесь! Я лично буду допрашивать их!

– В квартире Горячевых никого не обнаружено. Соседи ничего не видели и не слышали. Детей видели последний раз ближе к вечеру.

– Узнать, с кем общались, кто приходил за последние несколько дней. Допросить всех знакомых, включая знакомых и друзей детей. После обеда я хочу знать, где они и что с ними. А лучше увидеть повешенными. Хофманн, через полчаса согнать жителей города на площадь! Они получают прекрасное представление! Провести обыски в квартирах на наличие оружия, в том числе холодного. Всех, кто не подчинился приказу и не сдал оружие, под арест! Все свободны!

Райнер спустился вниз и отправил Эриха домой. Приказал явиться через три часа и захватить Галину. Эрих решил заехать в дровник, чтобы забрать тело Зины. Он переживал, что если немцы обнаружат тело, то жители соседних домов могут сказать, что видели Галину и его. Этого допустить нельзя. Эрих помчался за телом девушки. Он подъехал к дровнику, сбил замок. Кто-то из жителей оказался милосердным и привел тело Зины в порядок. Кровь смыли, завернули в ткань. Эрих положил тело девушки в багажник и поехал на опушку, где была похоронена бабушка Таисии. Немец как мог глубже въехал в лес, чтобы с дороги машина не была очень заметна, и, быстро похоронив девушку, приехал в дом к Тасе.

Эрих очень устал за эти сутки. Теперь он очень сильно переживал, что кто-то из местных скажет, что Зину изнасиловали солдаты, после чего Галя приезжала на место преступления с немецким солдатом. «Только бы имя Гали не привязали к побегу!» – думал солдат, скрыв все следы.

– Эрих, тревогу подняли из-за побега?

– Да, Таисия. Сделайте, пожалуйста, крепкий чай. Я съезжу за вашей подругой.

Не успел Эрих подъехать к дому, как Галя вылетела из подъезда. По первому сигналу тревоги Петровы встали, оделись и больше не ложились. Она стояла у окна в ожидании своего немца. Когда увидела его машину, она пулей спустилась вниз.

– Эрих, что там? Рассказывайте! Горячевых не поймали?

– Нет, Галина. Я думаю, что они далеко отсюда. И если солдаты сейчас пойдут прочесывать лес, то навряд ли их поймут. Меня больше тревожит вопрос, что в день побега тебя и меня видели с мертвой Зиной. Да, я ее похоронил час назад там, в лесу, на опушке.

– Спасибо тебе, Эрих!

Когда они пришли в дом, чай уже был готов. Тася собрала на стол перекусить, так как уже достаточно проголодалась сама, да и ребятам со вчерашней суетой тоже некогда было поесть.

Все действительно проголодались. Молча перекусили. Выпили горячего чая. У Таси поднялось настроение. Она до сих пор не верила, что они смогли вот так, под носом у немцев, спасти Горячевых.

– Галка, так ты мне так и не сказала, где Зину нашла? – улыбаясь, спросила Тася.

– Тасенька, Зины больше нет, – тихо произнесла Галя и опустила голову.

– Как это нет?

– Я ее нашла мертвой в сарае, недалеко отсюда. Ее убили... Немцы.

– Галя, как же это? За что?

– Тась, они убивают не за что. Они убивают просто так.

Тася села за стол и схватилась за голову руками. Она вспомнила рыжего немца, бабушку, Райнера.

– Галя, что же это такое? Почему одни убивают, другие спасают. Что же они немцы и такие разные?

– Тася, это война. Среди русских тоже есть и порядочные люди, и бандиты, и воры. Так, наверное, и у немцев. Тася, мы отомстим за Зину! Обязательно отомстим!

– Галина, поехали в комендатуру.

– Тася, ты успокойся. Немцы сейчас ищут виновных, поэтому если придут и к тебе, сразу же покажи документы. Тасенька, постараюсь вечером приехать, если господин Нуртемберг позволит. До вечера.

Когда Эрих и Галка подъехали к комендатуре, вся площадь была забита людьми. Немцы производили обыск по квартирам и домам, выгоняя людей на площадь. Люди были оцеплены немецкими солдатами и полицией.

– Галя, сейчас на площади вы будите переводить обращение Кенинга. Шнайдер сейчас участвует в расследовании убийства солдат, поэтому переводить будете вы, – сказал Райнер, когда Галя вошла в кабинет. – Пойдемте!

– Господин Кенинг ждет вас, – сказала Эльза, когда Райнер с Галей вошли в приемную.

– Господин оберст, доставили госпожу Петрову, – сказал Райнер, входя в кабинет Кенинга.

– Ей выдали документы?

– Да, выдали.

– Почему вы не явились по тревоге в комендатуру, фройлен Петрова? Или вы считаете, что вас это не касается?

– Я не знала, господин офицер. Впредь этого больше не повторится.

– Пойдемте на площадь, господа!

С трибуны Галине показалось, что людей на площади стало еще больше. Сотни глаз смотрели на нее. И в каждом взгляде ей виделось презрение и осуждение.

– Граждане и гражданки! – обратился к людям Кенинг.

Галка взяла в себя в руки и начала переводить. Голос был тихим и слегка дрожащим. Один из офицеров подал ей рупор.

– Сегодня ночью в здании комендатуры были убиты четверо солдат немецкой армии. Изпод стражи сбежал коммунист Горячев. Если кто-нибудь видел или знает что-нибудь о членах семьи Горячевых, немедленно обязаны сообщить начальнику полиции. Кто укажет их местонахождение, получит вознаграждение. Если выяснится, что кто-то из вас знал и не донес в полицию, будет признан сообщником и казнен через повешение. Если завтра до двенадцати дня не найдут виновных, за каждого убитого немецкого солдата мы вынуждены будем расстрелять по десять жителей. Можете расходиться.

– А где записывают в полицию? – на глазах у людей к трибуне подбежали Сергей Карпов и Антон Чернов.

– Эти люди располагают какими-то сведениями, фройлен? – спросил Кенинг Галину.

– Нет, они хотят записаться в полицию, господин офицер.

– Отправьте их к Латышеву, это теперь его головная боль.

Галя отправила ребят в библиотеку к Латышеву, немного удивившись такому рвению своих одноклассников служить в полиции.

Эрих откровенно любовался Галиной, когда она стояла на трибуне. Но, почувствовав взгляд из толпы, повернул голову. Он увидел старика, в чьем дровнике была зверски убита Зина. Старик переводил взгляд то на немца, то на Галину. На душе у Эриха стало скверно. «Что в голове у этого мужчины? Надо будет сегодня к нему заехать», – подумал молодой человек.

Немцы и его милая фройлен вернулись в комендатуру. А люди стали расходиться, обсуждая случившееся. Кто-то говорил, что жаль, что всего четверых убили, кто-то переживал, что отношение немцев к жителям города испорчено и лучше найти виновных, для сдачи немецкому командованию. Некоторые считали, что немцы просто блефуют, угрожая расстрелять десять мирных жителей за одного немца.

Ближе к обеду в кабинет к Райнеру вошел капитан Херман.

– Господин Нортенберг, русский, которого вы вчера дали мне в помощь для вербовки молодежи в Германию, не явился на работу. Дома его нет.

– Я вас предупредил о его ненадежности. Вы проследили за ним, господин Херман?

– Да, я поручил это своим людям. После фабрики пошел домой. В девять вечера погас свет. Из дома не выходил.

– Херман, поехали на фабрику и опросим соседей по месту жительства. А потом доложим Кенингу. Фройлен Галя, собирайтесь. Вы поедете с нами.

В актовом зале фабрики уже были собраны женщины. Райнер начал свое обращение к ним. Галя переводила.

– Женщины, сегодня не вышел на работу Садовников Алексей Иванович. Дома его тоже нет. Кто сообщит о нем какую-либо информацию, получит денежное вознаграждение. Садовников уже является представителем немецкой власти, а немцы очень заботятся о своих подданных.

– А вы у Наташки Черепановой спросите. Она сегодня с утра от него нам записочки читала! – выкрикнула полная женщина лет сорока пяти.

Райнер более или менее сносно понимал русский язык, поэтому Галке пришлось полностью перевести слова женщины.

– Здесь присутствует Наталья Черепанова? – спросила Галя.

– Это я, – тихим голосом произнесла молодая женщина лет двадцати восьми.

– Покажите эту записку.

– Я выкинула ее, господин офицер.

– Каково было содержание этой записки?

– Там говорилось о том, чтобы мы не думали, а ехали в Германию на благо наших детей, – еще тише сказала женщина.

– Что ты брешешь? Я сама читала записочку-то! Написал он там, чтоб не верили мы немцам, чтобы всячески уклонялись от поездки в Германию, что врут немцы-то про красивую жизнь! – прокричала толстуха.

Галка сверлила ее глазами.

– А ты, пигалица, глазами-то своими меня не сверли! Сама под немцами-то хорошо, небось, живешь! А мы что, хуже? У меня детей мал мала меньше! И от мужика вестей нет уж четыре месяца!

Галя не знала, как выручить эту скромную женщину, которая явно переживала по поводу своего положения.

– Почему вы сказали неправду? – обратился Райнер к Наталье.

Наталья ответила что-то совсем невнятное.

– Она испугалась, что что-то не то сделала. Она немного запуталась и очень раскаивается, что не пришла к вам утром, господин офицер.

– Ничего, мы ее распутаем, – вступил в разговор Херман.

Работать на оккупированных территориях Райнеру было крайне тяжело, когда надо было принимать решения в отношении женщин, детей или стариков. На фронте он себя чувствовал солдатом. А в типичных ситуациях он порой не мог принять решения.

– Отвезите ее в комендатуру. Там ее быстро распутают, – приказал солдатам Херман.

– Пожалуйста, не надо! У меня дома семилетний сын! О нем некому больше заботиться. Я все расскажу. Все, что знаю, я расскажу! – перепугано лепетала Наталья.

– Господин Херман, пройдемте в отдельный кабинет, попробуем сами выяснить всю ситуацию. СС никогда не опоздает. Тем более Петерман будет только завтра, – предложил Райнер.

Толпа женщин накинулась на толстуху.

– Херман, наведите здесь порядок. Мы пока продолжим беседу в отдельном кабинете.

– Хорошо, идите по коридору и направо, крайний кабинет.

Херман с солдатами разгоняли женщин по рабочим местам. Райнер с Галиной и Натальей ушли в указанный кабинет.

– Итак, фрау, почему вы соврали? – спросил Райнер.

– Я испугалась за сына, господин офицер.
– Что вам говорил Садовников, когда отдавал записку?
– Сказал, что скорей всего завтра его не будет в городе, чтобы я предупредила женщин об уклонении от работ в Германии, что русские там работают в очень суровых условиях.
– Он сказал, куда он собрался?
– Сказал, что пойдет к нашим, на фронт, – сообразила сказать Наталья.
– Какие отношения у него были с Горячевым?
– Насколько я знаю, они постоянно общались по партийной работе.
– Считаете ли вы, что Садовников причастен к побегу Горячевых из города?
– Алексей Иванович не упоминал в разговоре фамилию Горячева.
– Ну, что у вас тут, Райнер? Она заговорила? – спросил Херман, входя в кабинет.
– Просто нелепая случайность. Глупая женщина оказалась игрушкой в руках опытного коммуниста. И подсказывает мне моя интуиция, что Садовников все же причастен к побегу Горячевых. Поехали опросим соседей, Ганс.

– Русскую берем с собой? – спросил Херман.
– Она ничем больше не поможет. Это глупая русская женщина.
– Хорошо, но если не найдутся новые свидетели и не откроются новые обстоятельства, ее все-таки допросят в СС.

Галка облегченно вздохнула. Хотя Херман был явно настроен на допрос в СС. «Лучше бы ей спрятаться пока, а потом вывезти в лес к Горячевым», – подумала про себя Галка.

Соседи Садовникова по общежитию ничего о нем не знали. Вечером они слышали, что сосед в комнате был. Ночью ничего подозрительного не заметили. Окно в комнате было открыто, поэтому немцам было четко понятно, что мужчина ушел именно через него.

– Ну, что, господин Херман, едем на доклад к Кенингу. Отсутствие результата – тоже результат! – сказал Райнер.

– Галина, идите в кабинет и продолжайте работу. Эльза, оберст у себя?

– Да, господин Нортемберг. Он просил вас зайти к нему.

Райнер с Херманом вошли в кабинет. Кенинг расслабленно сидел в кресле, скрестив руки на груди, и любовался портретом Адольфа Гитлера.

– Господа, какие новости? Как идет расследование?

– Господин оберст, у нас не утешительные новости.

– Продолжайте, Райнер. Я начинаю привыкать к неприятностям.

– Из города исчез Садовников. Я думаю, он причастен к побегу Горячевых.

– Дальше, – спокойно сказал Кенинг.

– Свидетелей практически нет.

– Что значит практически? – спросил Кенинг, прищурился.

– Сегодня на фабрике мы допросили женщину, которая вчера получила записку с анти-немецкой пропагандой. Он говорил, что, возможно, уйдет из города, но не сказал точно куда, возможно, будет пробиваться к линии фронта к русским.

– Приведите сюда эту женщину! – сказал Кенинг.

Райнер посмотрел на Хермана. Тот, не став вступать в перепалку, в срочном порядке поехал на фабрику за свидетельницей.

– Райнер, а что вы думаете по этому поводу? Вы бы тоже пошли к линии фронта?

– Скорей всего, да.

– Райнер, включите мозги! Вы бы пошли на фронт с супругой и двумя детьми? А я бы на месте Горячева спрятал свою семью в лесу. В лесу, в котором мне все знакомо, в лесу, в котором я провел много времени, охотясь на разную дичь. Так вот, Райнер, срочно прочесать все окрестности вокруг города. Взять всех полицаев, которые ориентируются в этом лесу. Выявить

место, откуда они ушли в лес. Заодно, еще раз обозначить все открытые подступы к городу. Обнести колючей проволокой, закончить минирование полей и подступов к городу и усилить охрану на дорогах!

Пока Кенинг давал указания Нортембергу, Херман доставил Наталью в кабинет.

– Вот эта русская, господин оберст!

– Эльза, пригласите госпожу Петрову! – крикнул Райнер.

Наталья вся съежилась под взглядом Кенинга. Перед ним стояла высокая, сбитая молодая женщина с убранными в косу каштановыми волосами.

– Фрау, у вас есть дети? – начал Кенинг.

– Да, господин офицер, сын.

– Вы хотите, чтобы он жил с вами?

– Да.

– Тогда назовите местонахождение Садовникова, человека, который передал вам записку.

– Я не знаю, господин офицер! Лес большой, там можно спрятаться под каждым кустом.

– Ага, Райнер, я же вам говорил, что лес! Так под каким же кустом спрятался Садовников?

– Я не знаю, господин офицер. Он мне не говорил.

– А вы знаете, фрау, я вам больше не верю. Вы соврали один раз, соврете и другой!

Кенинг подошел к женщине и ударил по лицу. Она вскрикнула и упала на колени.

– Господин офицер, ради Христа прошу, отпустите. Я вам все сказала. Я больше ничего не знаю. Клянусь своим сыном. Я очень хочу вернуться к сыну, поэтому если бы знала хоть что-то, то обязательно бы рассказала!

Женщина плакала, стоя на коленях, и умоляла её поверить.

– Вы хотите доказать свою преданность рейху?

Кенинг подошел к Наталье, схватил ее за косу, намотал на кулак и медленно стал поднимать ее с колен.

– Да, господин офицер!

– Хорошо, вы будите работать в борделе для немецких офицеров, а может и солдат! Вы будете любезны и охотно ублажать доблестных солдат Третьего рейха! Что скажете, дорогая? Вы согласны?

– Да, – хриплым голосом ответила Наташа.

Кенинг резко отпустил ее и швырнул на пол.

– Но это не все. Я должен сам убедиться, подходите вы на эту работу или нет! А чтобы тебе без меня не скучать, убери мою квартиру и приготовь ужин. Вздумаешь отравить, мои солдаты убьют твоего выродка на твоих же глазах. Эльза, пусть ее доставят ко мне домой и охраняют до моего прихода.

– Господин офицер, позвольте предупредить ребенка, что меня ночью не будет!

– О ребенке надо было думать, когда брала записочки у коммуниста и проводила агитацию против немцев! Уведите ее!

Когда Галя переводила последнюю фразу Кенинга, она сказала Наталье, что обязательно зайдет к мальчику.

Чем больше Галина находилась среди немцев, тем страшнее становилось при мысли, что гитлеровцы смогут одержать победу над Советским Союзом. Ежедневно она слышала сводки с фронта про отступления наших войск и победы немецких захватчиков.

– Вот, господа, с русскими по-другому нельзя. Недочеловеки понимают только кнут. Завтра на глазах у этих свиней я расстреляю сорок жителей этого паршивого городишки. Я покажу им, кто хозяин в этом городе! Господа, вы свободны! Эльза, а пригласите-ка ко мне капитана Краузе!

– Да, господин оберст, будет исполнено!

Шварц Краузе вошел в кабинет Кенинга минут через десять.

– Что скажете, Шварц?

– Больница от русских полностью освобождена, господин оберст. Там все готово для приема раненых. Казарма тоже практически подготовлена для солдат. Гостиница почти переоборудована под бордель. Левая часть крыла будет предназначена для офицеров, а правая, чуть побольше, – для солдат немецкой армии. Помещения центральной части гостиниц приспособили для обслуживающего персонала: маникюрщиц, массажисток, отдельный кабинет для врача, который будет проводить еженедельные проверки женщин, обслуживающих наших солдат. И там же кабинет управляющей этим заведением. На это место мы взяли директора магазина промышленных товаров Лизу Натрову. Пятнадцать девушек изъявили желание добровольно работать в борделе, так как до войны промышленяли этим же. Ну, с остальными поработаем в принудительном порядке.

– Одну вам уже привезут завтра. Сегодня я ее опробую сам. Что с рестораном? Когда он начнет работать?

– Думаю, послезавтра, господин оберст. Заведующим рестораном назначим бывшего директора гостиницы Кондратьева для работы с обслуживающим персоналом и своевременной поставки продуктов.

– За этот день, капитан, это самая приятная новость.

– Все ради победы Великой Германии! – буквально крикнул довольный Краузе.

– Вы можете идти, Шварц! Я думаю, что буду первым посетителем в этом веселом местечке!

– Непременно, господин оберст!

– Эльза, – Альтман вышел в приемную, – машина моя на месте?

– Да, господин Кенинг!

– В таком случае я еду домой. Меня сегодня не беспокоить.

Кенинг в предвкушении ночи с женщиной, к тому же довольно-таки симпатичной, поехал домой. Райнер и Галина тоже закончили работу и вышли на улицу. Эрих уже с нетерпением ждал Галину, но очень расстроился, когда она сказала, что пройдет пешком.

– Галина, у вас документы с собой? – спросил Райнер.

– Да, господин офицер.

– Тогда я за вас спокоен.

– Господин Нортенберг, вы не возражаете, если немного позже навещу Таисию?

– Конечно, я думаю, она будет очень рада.

Эрих уже немного знал эту девушку и по лицу видел, что она чем-то обеспокоена и вовсе не собирается домой. «Ладно, все равно придет вечером», – подумал Эрих и повез Райнера домой.

Галка понеслась по адресу, который ей шепнула Наталья Черепанова. Она вошла в квартиру и увидела мальчика, который сидел на подоконнике и смотрел в окно в ожидании матери.

– Мальчик, – негромко сказала Галка, чтобы не напугать ребенка.

Мальчишка обернулся на посторонний голос и вопросительно посмотрел на гостью.

– Меня зовут Галя. Твоя мама попросила меня зайти и предупредить, что сегодня ее оставили работать в ночную смену. Так что не переживай. Она придет утром. А тебя как зовут?

– Пашка.

– Пашка, а ты ел сегодня что-нибудь?

– Да, мама оставила мне кашу.

– Паш, а ты ночевал когда-нибудь один дома?

– Нет, – грустно ответил белобрысый, симпатичный мальчик.

– Слушай, Пашка, а пойдем ко мне ночевать. А?

– Пойдем. А мама как же узнает?

– А мы соседям скажем, что ты у меня, и адрес оставим. Хорошо?

– Хорошо, Галя! – повеселел мальчишка.

Галка написала на клочке бумаги адрес, взяла Пашку за руку, закрыла дверь и постучалась к соседям. Дверь сразу же открыла пожилая женщина.

– Здравствуйте. У меня к вам огромная просьба.

– Что надо? – спросила бабка, недоверчиво разглядывая девушку.

– Передайте, пожалуйста, записку вашей соседке с моим адресом. Ее ребенок будет ночевать у меня. Чтобы она не волновалась.

– А сама где?

– Вероятно, что допоздна задержится на работе, а мальчик без присмотра. Так я его к себе заберу лучше.

– Передам, – холодно ответила женщина и захлопнула дверь.

Галя с Пашкой по дороге домой играли в слова, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Ближе к дому перед Галей вырос, словно из-под земли, хозяин дровника, в котором осталась Зина.

– Тебя зовут Галя Петрова? Верно? – спросил старик.

– Да.

– А немец, что сегодня тело дочки Горячева забрал, советский разведчик, иль как?

– Вы о чем, дедушка? Какой разведчик? А с чего бы это разведчик?

– Так тебя не выдал и про дочку горячевскую ничего не сказал.

– А что это за интерес у вас такой?

– Горячевым ты, небось, помогла?

– Некогда мне с вами разговаривать, и спасибо, что не выдали немцам. До свидания.

– Я не закончил. Галя, ты связь имеешь с советскими бойцами в лесу? – дед схватил ее за руку и остановил.

– Послушайте, я не знаю никаких бойцов, я никому ни в чем не помогала. А за Зину спасибо.

– Галя, сын у меня сбежал с немецкого плена. Прячется под полом. Рвется в лес. Говорит, в лесу есть бойцы, сбежавшие из плена.

– Так что же он не с ними, а в подвале прячется?

– Так бежали-то наобум, кто куда, как возможность появилась. Мишка мой здешние леса знает, так прибег домой. А тут немцы пришли. А вояки по лесу разошлись. Так может, ты все-таки знаешь, как связаться с ними, Мишке моему к ним надо.

– Нет, дедушка, не знаю. Если узнаю, то найду вас.

Дед отстал от Гали, но чувствовал, что девка связана с красноармейцами, только тоже перестраховывается. «Господи, этого еще не хватало!» – подумала про себя Галина, и они продолжили путь с ее новым приятелем. Несколько раз Галю останавливал патруль, но при виде ее документов предупреждал об осторожности и отпускал.

– Мам, пап, я не одна! – крикнула Галя с порога.

В коридор вышли взволнованные родители девушки, но, увидев белокурого мальчугана, облегченно вздохнули. Семен Петрович был в курсе Галиной деятельности и, конечно, переживал вдвойне.

– Таким гостям мы рады! – сказала Вера Михайловна и обняла мальчишку.

– Мам, ты покормишь нас? – заговорщическим голосом сказала Галка и пошла на кухню.

– Конечно, покормлю, мои дорогие.

Галя уже получила паек. Поэтому в доме вкусно пахло гречкой с тушенкой. Галя с мальчиком сели за стол и принялись уминать вкуснятину. Наевшись до отвала, белокурый гость откинулся на спинку стула.

– Ну, что, Пашка, наелся? Небось, устал целый-то день мамку ждать? – спросила Галя, подмигнув мальчику.

– Ну, да, – позевывая, ответил Паша своей новой подруге.

– Мам, Паша ляжет со мной в кухне, – сказала Галя, готовя постель.

– Давай, дружок, ложись. А я немного позже. Пусть тебе приснится хороший-хороший сон, – сказала девушка, заботливо укрыла мальчика и поцеловала в щечку.

Петровы вышли в комнату, и Галя в двух словах объяснила им появление ребенка в их доме.

– Дочка, а эту женщину завтра отпустят? – спросила Вера Михайловна.

– Господин Кенинг сказал, что отпустит с условием, если она будет работать в немецком борделе и хочет растить своего сына, – ответила Галя и опустила глаза.

– Где работать?

– Мам, ты не ослышалась. В гостинице немцы решили устроить бордель для немецких солдат и офицеров. И мать этого мальчика в принудительном порядке заставят там работать. И ради сына она на это пойдет.

В комнате воцарилась тишина.

– Мам, пап, если вы не против, то Пашка будет у нас частым гостем. Я так поняла, что Наталья, это мать Пашки, живет и воспитывает сына одна. С соседями, скорей всего, не общается. Он еще слишком мал, чтобы мог подолгу находиться один дома.

– Дочь, мы не против. Жаль, конечно, мальчишку. Смотри сама. Он может оставаться у нас. Да и нам с матерью будет веселей! – сказал Семен Петрович.

– Пап, я не думаю, что будет время веселиться. Я, конечно, попробую сделать все, чтобы вас не трогали. Я читала приказ о восстановлении работы кирпичного завода и строительстве концлагеря для военнопленных примерно в километре от города. Все безработные в городе люди будут задействованы там.

– Дочка, только делай так, чтобы это не повредило тебе. А так, что ж. Я-то еще смогу, а за маму я не уверен.

– Папуль, я добегу до Таси. Нужно очень. Часа через два приду. Не волнуйтесь, меня не тронут. Документы с собой.

– Да, разве тебя удержишь! Надо так надо. Ступай. Я подожду тебя, – с пониманием сказал Семен Петрович.

Галка накинула кофточку и выскочила в подъезд. Не успела она отойти от дома, как рядом с ней остановилась машина. Девушка от неожиданности отскочила в сторону, но, увидев белозубую улыбку Эриха, ловко вскочила в машину и ответила такой же искренней улыбкой.

– Эрих, ты меня напугал! – надув губки, сказала Галка.

– Галя.

Немец сделал серьезное лицо.

– Галя, сегодня утром я забрал тело убитой девушки.

– Эрих, ты похоронил Зину?

– Да, на опушке, рядом с той старой женщиной.

– Эрих, я благодарна тебе за все, что ты сделал для меня и близких мне людей. А я-то не поняла, почему старик сказал, что ты утром был там. Спасибо тебе, большое.

– Я считаю, что этот старик опасен.

– Почему?

– Он долго смотрел на меня и на тебя. Он может донести на нас, что мы встречались в день побега с твоей подругой.

– Да нет, что ты! Я сегодня его встретила, и он понес какую-то чушь, что ты разведчик, я разведчица. В общем, старик из ума выжил, скорей всего. Поэтому, даже если и донесет, навряд ли ему поверят, что ты советский разведчик! – взволнованно сказала Галина.

– Да? Ну, точно из ума выжил! Ты меня успокоила, Галя. Я за тебя очень переживал, – сказал немец и нежно посмотрел на девушку.

– Поэтому и приехал за мной?

– Да.

– Эрих, я сейчас хочу увидеть Тасю. Недолго. А потом мы с тобой поговорим, договорились? – сказала Галка, когда они подъехали к дому.

– Как скажешь, Галя!

Таисия во дворе развешивала постиранное белье. Райнер сидел на крыльце, наслаждаясь теплым вечером, и пытался комментировать действия девушки на русском языке. Тасю такое обучение явно веселило. Потом, пытаясь воспроизвести все на немецком языке, она веселила Райнера.

– Господин Нортенберг, вы делаете успехи! – улыбаясь, сказала Галка и вошла во двор.

– О, Галина, вы шутите!

– Что вы! У вас неплохо получается!

– Вы, наверное, хотите поговорить с Таисией? Не буду вам мешать.

Райнер ушел в дом.

– Тася, подружка, привет! – сказала Галя, обнимая девушку.

– Привет, Галочка.

– Эрих похоронил Зину рядом с твоей бабушкой.

– Он мне сказал об этом. Я его поняла. Что нового? Немцы ничего не прояснили про Горячевых?

– Пока нет. Но новости есть, и не очень хорошие.

Галя рассказала про старика, который считает, что она связана с красноармейцами в лесу, про Наталью и ее сына.

– Тася, мне сегодня было очень страшно, когда офицер ударил эту женщину, в принудительном порядке отправив к себе домой. Тась, в ближайшие дни она будет развлекать немцев ради своего сына. А я не знаю, как им помочь? Он такой худенький, такой беззащитный и так нуждается в материнской любви и заботе.

– Галь, как бы ты ни хотела, но ты не сможешь помочь всему городу, – переживая за подругу, сказала Таисия.

– Всему нет, но этому мальчишке я очень хочу помочь. Тася, если моих родителей вместе со всеми выгонят за город на работы, можно, Пашка побудет у тебя? – сдерживая слезы, спросила Галина.

– Конечно, Галь. Я думаю, офицеру он не помешает.

Некоторое время девушки помолчали. Потом Галка, смахнув слезы, серьезно посмотрела на подругу.

– Тася, мы должны будем связаться с Садовниковым, что бы нам это ни стоило. Надо узнать, живы они или нет. Завтра подумаем, как нам в Осиновку попасть. И если получится, то попробуй продуктов немного отложить. Хорошо? И мы с родителями тоже поэкономим. Все, Тась, я поеду домой, с ног валюсь. Завтра увидимся.

– Хорошо, Галь! Ты только береги себя.

Эрих, увидев, что девушки прощаются, пошел в дом спросить разрешения у Райнера отвезти Галину. Через несколько минут он уже вез ее по направлению к дому. Усталость и недосыпание явно чувствовались на лице девушки. Поэтому Эрих не стал утомлять ее разговорами. К дому он привез ее почти в полусонном состоянии.

– Галя, мы приехали. Тебя проводить?

– Эрих, спасибо, я дойду, – сонно ответила Галина, выходя из машины.

– Я заеду утром, – сказал немец.

Галка от усталости не могла говорить. Она кивнула и вошла в подъезд.

Тася сидела на крыльце и обдумывала слова Галки. Сзади открылась дверь. Райнер накинул ей на плечи свой китель и сел рядом. Тася вся съежилась. Ей как-то не по себе было находиться так близко рядом с немцем. Они сидели рядом и молча смотрели, как солнце опускается за верхние макушки елей.

– Таисия, вы ненавидите меня? – вдруг прервал тишину Райнер и посмотрел девушке прямо в глаза.

– Вас нет, господин офицер. Немцев – да, – немного погодя ответила Тася.

– Я же тоже немец! – сказал Райнер и взял девушку за плечи.

Таисия молчала. Прикосновение немца сбило ее с толку, и она лихорадочно в уме подбирала слова, что бы ответить офицеру. «Как же она красива в закате солнца», – подумал Райнер. Из этого легкого оцепенения их вывел шум мотора автомобиля. Эрих возвращался домой. Райнер молча помог подняться Тасе и предложил войти в дом.

Девушка сразу направилась к себе. Нортемберг, не желая так быстро лишиться ее общества, схватил со стола словарь и, нежно взяв ее за руку, предложил продолжить занятия. Именно сейчас Тася хотела остаться наедине со своими мыслями. У нее в голове никак не укладывалось, почему одни немцы убивают и насилуют, другие проявляют заботу. Но отказать Райнеру не смогла, так как его взгляд очень просил побыть с ним еще. Они сели за стол и продолжили свои занятия.

– Таисия, я очень хочу понимать все, что ты говоришь! И я очень хочу, чтобы ты понимала меня.

– Вы способный ученик, господин офицер. Вы быстро все схватываете.

– Тася, а как по-русски сказать, что вы очень красивая девушка и вы мне очень нравитесь?

Тася смутилась, покраснела и, опустив глаза, произнесла на русском языке эти фразы. Райнер взял ее за руку и повторил за ней все слова. Акцент немца заставил девушку улыбнуться. Ямочки заиграли на ее щеках. У Райнера поднималось настроение, когда Тася улыбалась. Он нежно приподнял ее лицо за подбородок и, глядя в глаза, еще раз сказал ей о том, что она ему нравится. Лицо Райнера было так близко, что Таисия невольно стала рассматривать этого добродушного немца. Высокий, открытый лоб, зачесанные назад светлые волосы, прямой нос и голубые-голубые глаза. Они светились теплом, заботой и любовью. Именно любовью... Тася пришла в себя, только когда почувствовала обжигающий поцелуй на своих губах. Она открыла глаза, хотела оттолкнуть немца, но не смогла. Ей нравился этот волнующий поцелуй, ее бросало в жар от взгляда его голубых влюбленных глаз. По всему было видно, что офицера переполняют чувства.

– Таисия, пока жив, я никому не дам тебя в обиду. Я не позволю причинить тебе зла, – шепотом сказал Райнер, прижав к себе русскую девушку.

Тася еще несколько минут стояла, прижавшись к немцу. Когда их волнение немного остыло, Тася отстранилась от мужчины и, пожелав спокойной ночи, пошла в свою комнату. Ее губы горели, стало просыпаться чувство стыда. Девушка, не раздевшись, нырнула под одеяло и с мыслями о том, как она посмотрит утром в глаза офицеру, провалилась в сон.

В это время Горячевы и Садовников обустроивались на ночлег в наспех сооруженном шалаше из еловых веток. Они удачно покинули пределы города, перешли в другой лес и, дойдя практически до болот, позволили себе остановиться. Сашка с Марией Прохоровной, перекусив вареной картошки, сразу же уснули. А мужчины развели небольшой костер и решили подумать, что делать дальше.

– Что делать будем, Борис Моисеевич? Уйти-то ушли, а вот дальше куда? К нашим? Так хрен их разберешь, где они, наши-то. Да и с бабой и дитем на фронт идти как-то несподручно, – начал Алексей Иванович, глядя в сторону шалаша.

– Так если б знать еще, где этот фронт.

– Так что, Борис, есть предложения?

– Я думаю пока вот что, Алексей Иванович. Надо место выбрать, куда немец бы не сунулся. Всяко лес прочешут. Найдем место. Выроем землянку. Ни ты, ни я не знаем, сколько нам тут быть. Через неделю пойдем к Осиновке. Провиант надо будет как-то пополнить. А если Аркадий или Галя Петрова выйдут на связь, подумаем, что делать дальше. Да и Зину надо будет как-то вытащить.

– Боря, мы когда уходили, Галя мне сказала, что Зину убили в этот день. Она не стала вам говорить, чтобы Маша не отказалась идти в лес.

– Алексей, за что, как? – после короткой паузы шепотом закричал Горячев, взяв Садовникова за грудки.

– Борь, она не успела мне сказать, – глядя ему в глаза, произнес Алексей Иванович и осторожно, убрав руки Горячева, обнял друга.

– Как же я Маше скажу, что не уберег дочь?

Какое-то время они молчали.

– А я знаю, что мы делать будем, Алексей Иванович! Мы немцев из леса бить будем! Партизанить будем мы, Алексей Иванович!

– Из леса так из леса, Боря. Я тебя поддерживаю.

– Леш, ты иди поспи пока. Я посижу. Часа через три разбужу.

Садовников переживал за состояние друга. Он не имел детей, но, судя по виду Горячева, мог только представлять, что значит потерять родного человека, к тому же собственного ребенка.

– Алексей, иди, не переживай. Я в порядке.

Садовников залез в шалаш, а Борис Моисеевич, дав волю слезам, тихо, глядя на огонь, оплакивал свое родное дитя.

В Солнечном тоже далеко не все спали. Аркашка Полевой разыскал друга своего брата, Володю Мешкова, и обратился за советом по поводу выпуска своих листовок. Ребята встретились на чердаке Володиного дома.

– Володя, ну, что посоветовать можешь? Может, есть возможность напечатать прямо в типографии?

– Да что ты? В типографии постоянно немцы. Контролируют всю работу. Мы и на обед не ходим. Там перекусываем, как придется. Но идея есть.

Аркадий с новыми полицаями Антоном и Серегой приободрились.

– Я до войны еще забрал списанный печатный станочек и закинул на чердак, сюда. Все думал, посмотрю, поковыряюсь, может, сделаю. Только руки не доходили. Так вот, Аркадий, раз такое дело, приходи завтра сюда, попробуем разобраться, что к чему. Если починим, то можно будет и печатать.

– Хорошо, Володь! Мы придем!

– Только вот что. Если станок заработает, то надо будет в другое место его перенести. Когда немцам попадут в руки наши листовки, то в первую очередь обыщут дома и квартиры сотрудников типографии. А это уже ваша задача, ребята.

– Хорошо, Володя, спасибо тебе.

– Пока не за что. Давайте, ребята, расходиться. Завтра в девять вечера встречаемся здесь, – сказал Владимир, спускаясь с чердака.

– Выходите, пан офицер, проводим до дома, как полагается! – пошутили над Аркашкой Серега и Антон.

– Ребята, давайте серьезнее. Без шуток. Втирайтесь в доверие быстрее. В Осиновку на встречу к Садовникову придется идти вам. И еще, Сергей, вот записка. Завтра передашь ее как-нибудь Гале Петровой.

Новые полицаи практически до дома проводили Аркадия и отправились патрулировать ночной город.

Райнер проснулся в отличном расположении духа. Он прекрасно дал понять девушке о его отношении к ней. А самое главное, он почувствовал взаимность с ее стороны.

Райнер сам согрел чайник. Его немного беспокоило, что Таисия еще до сих пор не встала. За дни, прожитые вместе, девушка не позволяла себе задерживаться в постели дольше его.

– Таисия! – крикнул Райнер и постучал в комнату. – Вы себя хорошо чувствуете?

«Лучше некуда! Сейчас только со стыда сгорю, а потом встану», – думала про себя Тася. Немец вошел в комнату. Девушка лежала, накрывшись с головой одеялом, и не отвечала. Райнер усмехнулся и присел на кровать.

– Таисия, я прошу прощения за вчерашний поцелуй. Со своей стороны, обещаю быть сдержаннее и не позволять себе этого. Простите меня.

Райнер медленно стянул одеяло с ее головы. И, увидев ее красивое, порозовевшее от стыда лицо, уже жалел о данном обещании.

– Таисия, просыпайтесь. Пойдемте пить чай с шоколадом, – весело сказал Райнер и вышел из комнаты, чтобы дать возможность девушке привести себя в порядок.

– С добрым утром, – приветствовала девушка своего жильца, выйдя из комнаты.

– С добрым утром! – бодро ответил ей немец.

Через несколько минут к ним присоединился Эрих. Райнер явно был в ударе. Шутит все утро. «Что это с ним?» – недоумевал молодой солдат. Таисия, наоборот, молчала и то и дело краснела. «Неужели у них? Точно! Офицер слишком довольный, а сгорает со стыда! Ну майор дает!» – сделал выводы про себя водитель.

– Господин Нортемберг!

– Да, Эрих.

– Мне переводчицу привезти или мы сразу в комендатуру поедим? – спросил солдат.

– Да, заберите ее и заедьте за мной.

Тася покраснела еще больше. Ей не хотелось оставаться наедине с немцем. Ей было ужасно стыдно за поцелуй, а еще больше ее волновало, что поцелуй этот ей был приятен и она испытала какие-то новые, неизведанные, приятные ощущения во всем теле.

– Таисия, да что же с вами? – спросил Райнер, когда Эрих вышел из дома, и подошел к ней вплотную.

– Мне очень стыдно, господин офицер.

– Вы никогда раньше не целовались? – с теплой улыбкой продолжал немец, глядя ей в глаза.

– Нет, господин офицер, – ответила Тася, понимая, о чем он спрашивает.

Райнер обнял девушку за талию.

– Мне понравилось вас целовать, Таисия. А вам? Вам приятен был мой поцелуй? – спросил Райнер, не отпуская взгляд девушки.

– Да, – тихо ответила, словно загипнотизированная, Тася и всем телом подалась вперед.

Райнер нежно держал ее в своих объятиях и наслаждался ее мягкими податливыми губами. Тася интуитивно обняла его за шею и полностью отдалась своим новым чувствам. Тася вышла из этого состояния, лишь когда услышала шаги за дверью. Она отпрыгнула от Райнера к столу и лихорадочно начала убирать со стола.

– Господин майор! Вы готовы? – спросил Эрих, наблюдая за этой щекотливой ситуацией.

– Да, Майер. Ждите меня в машине.

Эрих вышел. Райнер подошел сзади к Таисии и обнял ее.

– Я буду скучать по тебе, моя русская волшебница, – сказал он шепотом, наслаждаясь запахом ее волос. – А ты?

– Вас ждут, господин офицер, – нервно сказала Тася.

Райнер развернул ее к себе.

– Таисия, давай договоримся. Когда мы одни, я для тебя Райнер. В присутствии людей я для тебя господин офицер. Договорились?

Райнер еще раз поцеловал ее в губы, схватил фуражку, портфель и быстро вышел из дома. Эрих уже успел поделиться своими соображениями с Галей, и они молча ехали в комендатуру, наблюдая за эйфорическим состоянием Нортенберга.

– Райнер, с добрым утром, – поздоровался Кенинг в приемной. – Зайдите ко мне.

Галя отправилась на свое рабочее место, а немцы в кабинет полковника.

– Райнер, расследование по исчезновению Горячева зашло в тупик. Поэтому сегодня на площади я устрою показательные выступления. Да, сегодня поработайте с Камышовым. Он должен был составить списки всех проживающих в городе. С завтрашнего дня начинаем строительство концлагеря для военнопленных и восстанавливаем работы на кирпичном заводе. Райнер, сегодня ночью прибудет эшелон с ранеными солдатами с фронта. Он простоит несколько дней, в течение которых необходимо обеспечить погрузку скота и сельхозтехники с совхоза, конфискованных продуктов питания долгосрочного хранения и людей, готовых добровольно работать на благо великой Германии. Пока только добровольцев.

– Я прослежу, господин оберст.

– В таком случае вы свободны, Райнер. Через пару часов встречаемся на площади.

К 12.00 на площадь стали собираться люди. Кенинг был взбешен, что за сутки не поступило ни одного доноса, что никто ничего не видел. Немцы плотным кольцом окружили площадь. Кенинг начал свое обращение к жителям города. Шнайдер переводил.

– Граждане и гражданки! Немецкое командование не нашло людей, причастных к побегу Горячевых, Садовникова и убийству четырех немецких солдат. Поэтому мы считаем, что к этому может быть причастен любой из вас. И сейчас на ваших глазах будет расстрелян каждый третий житель. Сорок человек понесут наказание за убийство четверых немецких солдат. Я хочу, чтобы вы понимали, что такое порядок и преданность фюреру.

В толпе послышался гул. Люди оглядывались друг на друга в надежде, что это блеф. Солдаты начали выхватывать из толпы людей и швырять к трибуне. Люди обратились в бегство, но выстрелы и несколько упавших людей заставили их остановиться. Люди, попавшие в число смертников, падали на колени и просили о пощаде. Кенинг отдал приказ офицеру, и тот подвел к нему двух внешне приятных женщин и троих подростков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.